

Александр Либман
Alexander Libman

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ
В СНГ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

STUDIES OF REGIONAL INTEGRATION
IN THE CIS AND IN CENTRAL ASIA:
A LITERATURE SURVEY

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2012
SAINT PETERSBURG

Доклад № 2
REPORT 2

Исследования региональной интеграции
в СНГ и Центральной Азии:
Обзор литературы

Studies
of Regional Integration
in the CIS and in Central Asia:
A Literature Survey

Alexander Libman

Centre for Integration Studies

Saint Petersburg

2012

Исследования
региональной интеграции
в СНГ и Центральной Азии:
Обзор литературы

Александр Либман

Центр интеграционных исследований
Санкт-Петербург
2012

УДК 339.94

ББК 65.7. 65.012.3. 66.4(4/8)

Л 55

Главный редактор серии докладов ЦИИ ЕАБР:

Выпускающий редактор, координатор серии:

Литературный редактор:

Редактор английского текста:

Перевод с английского:

Корректоры:

Художественный редактор:

Верстка

Е. Ю. Винокуров, д.э.н.

К. В. Онищенко

О.В. Яхонтов

Питер Дж. Эллис

М. А. Ваняшкин

Л.О. Тамазова, Стивен Росс

А. Б. Жданов

А.А. Имамгалиев

Либман Александр Михайлович

Л55 Исследования региональной интеграции в СНГ и Центральной Азии: Обзор литературы. – Санкт-Петербург, 2012. – с. 64

ISBN 978-5-990-3368-1-0

Данная работа представляет собой обзор литературы по экономической и политической интеграции на постсоветском пространстве. Работа обобщает как международные исследования в области региональной интеграции на территории бывшего Советского Союза, так и русскоязычные материалы по этой теме, рассматривая научные работы и издания в сфере экономики, политологии, международных отношений и политэкономии, юриспруденции и анализа отдельных стран. Выделены характерные особенности, а также рассмотрены различия между российскими и международными исследованиями, посвященными постсоветскому пространству и Центральной Азии

Ключевые слова: постсоветская интеграция, интеграция в Центральной Азии, обзор литературы

УДК 339.94

ББК 65.7.65.012.3.66.4(4/8)

ISBN 978-5-990-3368-1-0

© Евразийский банк развития, 2012

Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития

191014, Россия, Санкт-Петербург, ул. Парадная, 7

Тел. +7 (812) 320-44-41, факс + 7 (812) 329-40-41, e-mail: centre@eabr.org, www.eabr.org

Дизайн, верстка и подготовка к печати: Дизайн-студия «Аэроплан». Санкт-Петербург, Средний пр., 77/2, www.airoplan.ru

При перепечатке, микрофильмировании и других формах копирования обзора ссылка на публикацию обязательна. Точка зрения авторов не обязательно отражает официальную позицию Евразийского банка развития.

Подписано в печать 22.12.2011.

Гарнитура Helvetica, Petersburg. Формат 205х260 мм, усл. п.л. 7. Тираж 400 экз.

Электронная версия доклада доступна на сайте Евразийского банка развития www.eabr.org

Отпечатано в типографии L-print.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДОКЛАДУ ЦИИ №2	7
1. ВВЕДЕНИЕ	8
2. РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	9
2.1 Основные предметы и сферы исследования	9
2.2 «Типичная работа по постсоветской интеграции»	11
2.3 Альтернативы «типичной работе по постсоветской интеграции» ...	14
3. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	19
3.1 Постсоветская интеграция: Динамика и перспективы	19
3.2 Интеграция в Центральной Азии	28
4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	31

CONTENT

FORWARD	34
1. INTRODUCTION	35
2. RUSSIAN STUDIES OF POST-SOVIET INTEGRATION.	36
2.1. Key research centers and areas	36
2.2. The ‘average post-Soviet integration paper’	38
2.3. Alternatives to the ‘average post-Soviet integration paper’	40
3. INTERNATIONAL STUDIES OF POST-SOVIET INTEGRATION	45
3.1. Post-Soviet integration: dynamics and perspectives	45
3.2. Integration in Central Asia	52
4. CONCLUSION.	55

Предисловие

Подготовленное Александром Либманом исследование, публикуемое в рамках серии Докладов Центра интеграционных исследований ЕАБР, представляет собой качественный и детальный критический обзор литературы по постсоветской интеграции за последние 20 лет. Это первая работа такого рода. Автор обзора — авторитетный и активный исследователь постсоветской интеграции, досконально знающий свой предмет. Будучи аффилированным с научными организациями во Франкфурте, Москве и Шанхае, он объединяет взгляд как «изнутри», так и «извне», что особенно важно в контексте данной работы.

Анализируя основные направления исследования постсоветской и центрально-азиатской региональной интеграции как российским, так и международным научными сообществами, автор видит проблему в том, что и в российском, и в международном научном сообществе все еще наблюдается преобладание «типичной работы по постсоветской интеграции». Для российской (русскоязычной) версии такой «типичной работы» характерны упрощенческий подход, внутренняя нормативность, идеологическая перегруженность и стойкая убежденность в превосходстве постсоветского проекта априори. Тем не менее, постепенно развиваются и другие направления, основанные на более «зрелых» методологических предпосылках и сосредоточенные на эмпирическом исследовании экономических связей между постсоветскими странами, в частности в области прямых иностранных инвестиций, миграции и субрегионального сотрудничества. Растет и количество нормативных работ, авторы которых отходят от идеи «евразийского ЕС» и пытаются представить более проработанную и нюансированную основу для международного сотрудничества в Евразии.

Идеологическая зашоренность и невысокие научные стандарты также нередко характерны и для международного научного сообщества, отдельные представители которого — в лучших традициях холодной войны — рассуждают об имперских амбициях России, якобы использующей постсоветскую интеграцию для восстановления своего влияния в ближнем зарубежье.

Автор подмечает ряд характерных особенностей литературы последних 20 лет. Например, большинство исследований по постсоветской интеграции игнорируют другую, явно близкую по тематике группу работ, которая подробно исследует распад Советского Союза. Действительно, такой подход представляется не совсем методологически верным. Интеграция и дезинтеграция — две стороны одной медали: хорошая теория интеграции должна одновременно являться и теорией дезинтеграции.

Следует учесть, что критический обзор Александра Либмана концентрируется на исследованиях российских ученых, не претендуя на полный учет работ ученых Казахстана, Украины, Беларуси и других стран СНГ. Центр интеграционных исследований готов предоставить площадку исследователям, стремящимся дополнить данный обзор. Вместе с тем, доклад представляет идеальную точку отсчета для исследователей, желающих погрузиться в постсоветские исследования, учтя опыт целого поколения ученых и избегая их ошибок.

Директор Центра интеграционных исследований ЕАБР

Евгений Винокуров

Исследования региональной интеграции в СНГ и Центральной Азии: Обзор литературы*

Александр Либман,
Франкфуртская школа финансов и менеджмента,
Институт экономики Российской академии наук,
Восточно-китайский педагогический университет

1. Введение

Распад СССР явился в некотором смысле отправной точкой для множества проектов, направленных на создание новой основы для сотрудничества между республиками бывшего Советского Союза (БСС). За последние двадцать лет был дан старт значительному количеству интеграционных проектов в регионе. Среди них — Содружество Независимых Государств (СНГ), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Союзное государство Беларуси и России (СГБР) и активно развивающийся в настоящее время Таможенный союз ЕврАзЭС (ТС), а также ряд региональных союзов в Центральной Азии. Некоторые из упомянутых проектов, прежде всего СНГ, фактически являются не единой структурой, а совокупностью множества соглашений с разными участниками¹. Кроме того, ряд региональных организаций интеграции и сотрудничества, таких как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Центрально-азиатское региональное экономическое сотрудничество (ЦАРЭС), выходят

* Я благодарю Евгения Винокурова и Михаила Головина за их очень полезные замечания. Автор несет полную ответственность за все ошибки и неточности, допущенные в работе. Текст изначально был написан на английском языке и для англоязычной аудитории (этим объясняется наличие нескольких самоочевидных для российского читателя комментариев). Я выражаю глубокую благодарность переводчикам, подготовившим русскую версию исследования.

¹ См. Libman, A. (2011) Commonwealth of Independent States and Eurasian Economic Community. Paper prepared for: The Democratization of International Organizations. First International Democracy Report 2011, edited by G. Finizio, L. Levi and N. Vallinoto, Centre for Studies on Federalism

2. Российские исследования в области постсоветской интеграции

за границы бывшего Советского Союза и включают ряд других стран (в частности, Китай)². Наконец, связи между странами БСС не ограничиваются официальными интеграционными соглашениями. Расширяются и развиваются контакты на микроуровне: на основе торговли, инвестиций, миграции и взаимодействия между бизнес-группами и домашними хозяйствами, а также в сфере распространения идей и знаний.

Настоящая работа рассматривает научные исследования, посвященные этим интеграционным процессам, которые были проведены как международным академическим, так и русскоязычным научным сообществом³. Это разделение необходимо. Во-первых, степень интереса к интеграции на постсоветском пространстве и представления в отношении его развития, которые преобладают в международном и российском ученых сообществах существенно расходятся. Во-вторых, связь между этими двумя сообществами очень слаба: в некотором смысле, она даже слабее, чем в исследовании других аспектов развития России и Евразийского региона, где, по меньшей мере несколько российских ученых являются частью международного сообщества⁴. Как и любой другой обзор, данная работа вряд ли в состоянии осветить все то, что достойно внимания в этой сфере, и подвержена влиянию исследовательских пристрастий автора. Тем не менее, я попытаюсь рассмотреть основные труды и их результаты. Основное внимание будет уделено не столько конкретным эмпирическим выводам (которые, как будет показано в дальнейшем, весьма скудны), сколько оценке «неформального» научного консенсуса в отношении развития и перспектив региональной интеграции, который, по-видимому, присутствует в большинстве работ. Я также попытаюсь проследить изменения интереса к региональной интеграции и основных предметов исследования в этой сфере. При этом, повторяюсь еще раз, необходимо принимать во внимание возможную пристрастность автора.

2. Российские исследования в области постсоветской интеграции

2.1. Основные предметы и сферы исследования

В России внимание научного сообщества к постсоветской интеграции остается очень пристальным, по крайней мере на бумаге. Основные российские научные журналы продолжают публиковать большое количество материалов на эту тему (например, «Вопросы экономики», «Мировая экономика и международные отношения», «Общество и экономика», «Россия в современном мире», «Пространственная экономика», «ПОЛИС» и другие). Некоторые журналы («Россия и новые государства Евразии» и «Евразийская

² См.: Либман А. (2006) Взаимодействие стран СНГ с азиатскими интеграционными группировками, рабочий документ MPRA № 16620

³ Я называю этим термином ученых, публикующихся главным образом на английском языке в международных рецензируемых научных журналах, в монографиях и сборниках научных работ. Я использую этот термин вместо иногда применяющегося термина «западное» сообщество, чтобы подчеркнуть его поистине международный характер. В действительности, в настоящее время некоторые российские обществоведы являются активными участниками и международных и внутренних научных дискуссий (для получения общего представления о трансформации традиционных исследований России за рубежом см.: Russian Analytical Digest No. 94, 28 марта 2011 г.), хотя уровень интеграции России в международное сообщество остается ограниченным. Следует также отметить, что существует много сфер, в которых российские исследования стран БСС являются значительно менее качественными, чем исследования, выполненные за рубежом, в частности, из-за серьезных методологических недостатков, как правило, присущих российским работам (к сожалению, идеологические предубеждения свойственны обеим сторонам). В некоторых случаях отнесение ученых к тому или иному сообществу является непростой задачей. Это следует иметь в виду и в отношении обзора литературы, представленного ниже.

⁴ Следует отметить, что данная работа не освещает научные исследования по постсоветской интеграции, проведенные в других постсоветских странах, хотя в Украине, Казахстане и Беларуси опубликовано значительное количество работ на эту тему. Я буду ссылаться на них время от времени, но не претендую на то, чтобы представить всесторонний обзор дискуссии в этих странах.

экономическая интеграция», выходящий в Казахстане, но на русском языке) посвящены конкретно теме постсоветской интеграции. Еще большее количество работ можно найти в региональных и университетских журналах, издаваемых большинством российских учебных заведений, но их читательская аудитория очень мала.

Количество исследовательских групп, специализирующихся исключительно на этой теме, также весьма значительно. Внутри Российской Академии наук нужно выделить Отделение международных экономических и политических исследований (ОМЭПИ) Института экономики. Первоначально эта организация была известна как Институт экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) и была сосредоточена на изучении социалистических стран. После распада Организации Варшавского договора и СЭВа институт изменил свою направленность, обратившись также и к изучению постсоветских стран. Фактически, переход от анализа социалистических стран к изучению постсоветского региона не являлся чем-то необычным в первые годы после реформ в российской академической среде. Такой же путь проделал Институт внешнеэкономических исследований, который был включен в состав Отделения международных экономических и политических исследований в середине 2000-х гг. В настоящее время Отделение является уникальным центром экспертных знаний. В число его сотрудников входит ряд ученых, которые уже на протяжении многих лет отслеживают международные экономические и политические отношения в постсоветском регионе и внутренние отношения в странах БСС.

Ряд исследовательских групп и центров, занимающихся постсоветской интеграцией, существует в других институтах РАН, а также в университетах (которые в России традиционно играют гораздо меньшую роль в научных исследованиях и больше концентрируются на преподавании). Однако по численности они уступают ОМЭПИ. Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) включает в себя Центр постсоветских исследований. Институт Европы РАН создал Центр эволюционных процессов на постсоветском пространстве (который до недавних пор возглавлял Дмитрий Фурман, один из лучших экспертов в области политических трансформаций в странах БСС) и Центр средиземноморских и черноморских проблем (который уделяет особое внимание черноморскому и каспийскому регионам). Институт мировой экономики и международных отношений РАН регулярно выпускает журнал «Россия и новые государства Евразии», посвященный эволюции стран региона. Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) включает в себя Кафедру постсоветских стран, а исторический факультет Московского государственного университета создал Информационный центр по изучению социальных и политических процессов на постсоветском пространстве. Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета создал в своей структуре Центр Кавказа и Центральной Азии. Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН также уделяет внимание вопросам развития постсоветских интеграционных группировок.

Наконец, следует отметить, что существуют, по меньшей мере, четыре научно-исследовательских центра, занимающихся данной темой, которые не входят в состав государственных университетов или академических институтов. Один из них — Институт стран СНГ, учрежденный в 1996 году как автономная научно-исследовательская организация. Эта структура отличается достаточно односторонними политическими предпочтениями, и поэтому должна быть охарактеризована скорее как аналитическая группа, обслуживающая определенные политические интересы, а не как независимый исследовательский центр. Фонд «Наследие Евразии», основанный в 2004 году, в настоящее время является важным

2. Российские исследования в области постсоветской интеграции

центром, поддерживающим и осуществляющим проекты в области изучения постсоветских стран и постсоветской интеграции. Евразийский банк развития (ЕАБР) — международная организация со штаб-квартирой в Алматы, основным акционером которой является Россия — с успехом утвердил себя как серьезный исследовательский центр, публикуя ежеквартальный русскоязычный журнал «Евразийская экономическая интеграция» и ежегодный англоязычный альманах EDB Eurasian Integration Yearbook, который содержит переводы наиболее интересных материалов из ежеквартального журнала, а также оригинальные статьи⁵. В 2011 году банк основал Центр интеграционных исследований в Санкт-Петербурге, который намеревается стать ведущим учреждением в изучении постсоветской экономической интеграции. Наконец, существует «Евразийский монитор». Правда, это не исследовательская организация, а лишь проект по проведению регулярных опросов общественного мнения в постсоветских странах, которые в настоящее время служат уникальным источником информации об изменениях общественного мнения в странах БСС, в том числе мнения о постсоветской интеграции как таковой.

2.2. «Типичная работа по постсоветской интеграции»

С содержательной точки зрения вклад российской науки в понимание региональных интеграционных процессов на постсоветском пространстве остается достаточно скромным. Достаточно сказать, что большинство трудов, опубликованных на данную тему, являются чисто описательными, что очень типично для общей массы российских научных публикаций: они всего лишь перечисляют региональные интеграционные соглашения и раскрывают их цели, либо рассматривают основные интеграционные проекты, осуществляемые в регионе, или приводят высказывания политиков по интеграции на постсоветском пространстве. Поэтому такой «типичный труд по постсоветской интеграции» имеет довольно слабую теоретическую основу, часто изобилует описательной статистикой и почти никогда не содержит того, что и составляет суть научного исследования (например оригинальные интервью, результаты опросов и детальный разбор конкретной проблемы или эконометрический анализ). Такого рода публикации очень часто придерживаются общего стандарта аргументации и содержат набор стандартных исходных положений, которые, по сути дела, редко подвергаются сомнению и принимаются как очевидные.

- Постсоветская интеграция либо выгодна для всех стран, либо, по крайней мере, важна для экономического развития России. Типичное объяснение — это «мировой опыт» (т.е. утверждается, что «региональная интеграция находится на подъеме» во всем мире) или наличие сохранившихся с советского периода экономических связей между бывшими республиками. Акцент явно делается на экономические выгоды от интеграции.
- Развитие постсоветской интеграции должно идти по пути копирования Евросоюза и, возможно, следования той же модели развития, которой следовал ЕС. В идеальном случае постсоветское пространство должно превратиться в специфический евразийский вариант ЕС с силь-

⁵ Таким образом ЕАБР стремится сократить разрыв между русскоязычным и международным научными сообществами. Остается неясным, является ли эта попытка успешной. С одной стороны, журналы переводов российских научных работ (Problems of Economic Transition, Russian Politics and Law и Russian Social Science Review, публикуемые «МЕ Шарп, Инк»; Social Sciences, International Affairs, публикуемые «ИстВью», и Studies on Russian Economic Development, публикуемые «Плейдес Паблшинг, Инк») привлекают очень ограниченное внимание ученого сообщества. С другой стороны, EDB Eurasian Integration Yearbook — гораздо более специализированное издание, чем журналы широкой направленности, возможно, занимает таким образом нишу, являвшуюся до сих пор свободной в мировом научном сообществе. В целом, в настоящее время ЕАБР является, вероятно, единственным центром в странах БСС, который явно демонстрирует стремление (возможно, не всегда успешное) исследовать постсоветский регионализм на основе высоких международных методологических стандартов.

- ными наднациональными органами, развитым таможенным союзом и даже общей валютой.
- Главная причина неудачи такого пути интеграции — «отсутствие политической воли»: утверждается, что правительства стран БССТ не видят собственную выгоду и поэтому не содействуют региональной интеграции. Отсутствие политической воли — трактуется, как нечто, привнесенное извне, но иногда это интерпретируется в контексте национального строительства в новых независимых государствах и экономической асимметрии между Россией и другими странами (хотя отсутствие политической воли приписывается и политике России).
 - Иногда утверждается, что региональной интеграции мешает политическое давление со стороны западных стран. Укрепление постсоветского регионализма рассматривается как элемент российской стратегии по усилению своего контроля над регионом в противовес западному влиянию, что в конечном итоге, выгодно для всех стран БССТ (этот тезис тоже всегда присутствует, но никогда не подвергается сомнению).

Многочисленные работы такого рода пишутся и публикуются исследователями Российской Академии наук и гораздо более часто преподавателями в ВУЗах. Многие из них строго следуют устоявшемуся шаблону и преследуют лишь одну цель — показать (еще раз) необходимость постсоветской интеграции.

Причины популярности подобных исследований очевидны, если обратиться к специфике российского научного сообщества. Во-первых, большинство российских ученых зачастую в недостаточной степени осведомлены о последних достижениях в теории и методах исследования. Это касается и экономики в целом⁶, и ее конкретных областей⁷. Во-вторых, российская экономическая наука более нацелена на формулирование «нормативных» выводов, чем зарубежная наука. Причины этого, возможно, вызваны советским прошлым, когда большая часть российских ученых фактически выполняла роли экономических и политических советников руководства страны, нежели беспристрастных научных исследователей в западном понимании этого слова. В-третьих, многие представители российской науки озабочены не столько научным исследованием как таковым, сколько вопросами идентичности и идеологии (что фактически ограничивает внедрение современных теорий и методов исследования)⁸. Сочетание этих причин создает оптимальные условия для распространения описательного и в своей основе нормативного подхода к исследованиям, что и наблюдается в работах по постсоветской интеграции. В некотором смысле, ситуация в этой сфере даже хуже, чем в других. Многие представители российского научного сообщества изначально рассматривали постсоветскую региональную интеграцию, как тупик в экономическом и политическом развитии России и с нормативной (утверждая, что ставка должна делаться на глобальную экономическую интеграцию, а не на поддержание старых советских связей), и с позитивной точки зрения (утверждая, что реальные результаты постсоветской интеграции остаются очень ограниченными) При этом так сложилось, что именно эти исследователи, как правило, входили в число тех, кто наиболее активно брал на вооружение современные мировые исследовательские приемы. Таким образом, постсоветская интеграция является в основном предметом исследования «тра-

⁶ См.: Муравьев А. (2011) О российской экономической науке сквозь призму публикаций российских ученых в отечественных и зарубежных журналах за 2000–2009 гг. — Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, научный доклад №1 (Р), 2011 г.

⁷ См.: Lokshin, M. (2009) A Survey of Poverty Research in Russia: Does it Follow the Scientific Method? — *Economic Systems* 33 (3)

⁸ См.: Морозов В. (2011) Вездесущая идентичность: Российская политическая наука перед лицом западной гегемонии. — *Общественные науки и современность* (3)

2. Российские исследования в области постсоветской интеграции

диционной» российской науки, негативные последствия чего отмечены выше. Такое положение вещей было особенно очевидным до «оранжевой революции» в Украине в 2004 году.: лишь несколько российских исследователей реально отслеживали новые тенденции в развитии постсоветского пространства, тогда, как большинство ученых довольствовались написанием новых и новых версий «типичных работ по постсоветской интеграции». Однако после 2004 года внимание к странам БСС резко возросло, и ситуация несколько улучшилась.

Основной проблемой «типичной работы по постсоветской интеграции» является то обстоятельство, что ее четыре исходных положения в некотором смысле выводят наиболее интересные вопросы из поля зрения исследователя. Во-первых, важно определить, действительно ли есть какие-либо реальные положительные эффекты от постсоветской региональной интеграции (тот факт, что тенденция к интеграции существует в других частях мира не служит автоматическим доказательством этого, как и существование старых советских связей). Во-вторых, слишком упрощенным является тезис о том, что постсоветская региональная интеграция буксует из-за дефицита политической воли. На самом деле, причины неудачи постсоветской интеграции, а также причины продолжающихся попыток интенсифицировать процесс интеграции, представляют собой сами по себе интересный предмет изучения в контексте постсоветской истории. В-третьих, утверждение, что региональная интеграция по образцу ЕС является «естественным» путем для стран БСС, не позволяет рассмотреть действительно важный вопрос об «альтернативных» путях региональной интеграции в мире. В настоящее время уникальность ЕС можно считать установленным фактом, поэтому наибольший интерес представляют сравнительные исследования интеграции в различных регионах мира.

Следует отметить, что «типичная работа по постсоветской интеграции» уже критиковалась рядом известных российских ученых. Юрий Шишков, один из ведущих российских исследователей в области региональной экономической интеграции, в ряде статей, опубликованных за последние двадцать лет, указывает, что любая форма постсоветской региональной интеграции бессмысленна из-за низкого уровня экономического развития стран-участников (и, в частности, из-за ограниченной роли машиностроительных отраслей)⁹. С точки зрения политологии, Дмитрий Фурман в ряде статей рассматривает постсоветскую интеграцию в контексте постепенного распада Российской империи, который был приостановлен на 70 лет существованием Советского Союза. Исходя из этого, постсоветская интеграция тоже представляется бесперспективным проектом¹⁰. Святослав Каспэ в своей недавней статье даже сравнивает постсоветское пространство с «варварскими» королевствами, существовавшими в Европе в 6–9 веках н.э. после падения Римской империи, которые, по его словам, находились «в поисках империи», т.е. внешнего центра, способного стать ее источником¹¹. Тем не менее, «типичная» работа доминирует в русскоязычных на-

⁹ См., например: Шишков Ю. (2007) СНГ: Полтора десятилетия тщетных усилий. — Вопросы экономики (4); Шишков Ю. (1996) Судьба Британского содружества наций: Воспоминание о будущем СНГ. — Общественные науки и современность (3); Шишков Ю. (2008) Кооперирование в машиностроении стран СНГ. — Евразийская экономическая интеграция (1); Шишков Ю. (2001) Россия и СНГ: Неудавшийся брак по расчету. — Pro et Contra 6 (1-2)

¹⁰ См.: Фурман Д. (2005) От Российской империи до распада СНГ. — Публичная лекция на Polit.ru; Фурман Д. (1996) О будущем постсоветского пространства. — Свободная мысль (6)

¹¹ См.: Каспэ С. (2008) Содружество варварских королевств: Независимые государства в поисках империи. — Полития.ru (1) Важность советского наследия для современных интеграционных процессов в постсоветском регионе и отношений между странами БСС также отмечается Александром Филипповым (см.: Филиппов Ф. (1995) Смысл империи: к социологии политического пространства, в: Чернышев С. (ред.) Иное: Хрестоматия нового российского самосознания. — Москва) и Леонидом Бляхером (см.: Бляхер Л. (2008) Возможен ли постимперский проект: От взаимных претензий к общему будущему. — Полития.ru (1))

учных публикациях.

2.3. Альтернативы «типичной работе по постсоветской интеграции»

Несмотря на доминирование в российских научных публикациях «типичной работы», она не охватывает все научные исследования и дискуссии в этой сфере. Существуют три основные альтернативы такому подходу, которые можно обнаружить, как в исследованиях экономистов, так и политологов. Во-первых, растет число эмпирических и теоретических исследований по постсоветской интеграции, главным образом нацеленных на понимание взаимодействия на микроуровне. Во-вторых, популярной темой дискуссий остается связь между постсоветской интеграцией и общей внешней политикой России, которые, как можно предполагать, гораздо шире сферы, охватываемой «типичной работой по постсоветской интеграции». В-третьих, по-видимому, существует растущий интерес к рассмотрению постсоветской интеграции в контексте евразийских и европейских интеграционных инициатив, а также дискуссии на тему «открытого регионализма». Кроме этого, имеется ряд работ, в которых авторы пытаются провести более детальный и методологически сложный нормативный анализ, чем это обычно делается в случае «типичной работы».

Постсоветская интеграция и внешняя политика: первой областью, в которой обсуждение постсоветской интеграции серьезно отличается от «типичной работы» является сфера международных отношений и политологии. В этой области постсоветская интеграция рассматривается скорее как один из аспектов внешней политики России (в том числе, внешнеэкономической политики), чем независимая область исследования. Анализ в такой литературе также редко основывается на развитой теории и почти не подкрепляется конкретными эмпирическими исследованиями, а также сильно подвержен влиянию политических предпочтений. Тем не менее, многие наблюдения, сделанные в этих рамках, определенно представляют интерес для специалистов, изучающих постсоветскую интеграцию. Кроме того, «типичная работа по постсоветской интеграции» по своей природе не является по-настоящему дискурсивной. Основные исходные положения, которые считаются несомненными, немедленно приводят автора к единственно возможному выводу. Рассмотрение места постсоветской интеграции в контексте российской внешней политики, напротив, создает предпосылки для острых дискуссий и противоречий

Интересная характеристика этого типа анализа дана в работе А. Цыганкова¹², который выделяет пять «школ геополитического мышления»: экспансионисты, сторонники цивилизационного подхода, стабилизаторы, геоэкономисты и западники (термины являются условными). Западники настроены весьма скептически в отношении будущего постсоветской интеграции в любой форме. Название книги Дмитрия Тренина «Конец Евразии»¹³ показательно для этого подхода: постсоветское пространство рассматривается как «исчезающая реальность», в которой каждая страна, в долгосрочной перспективе пойдет своим собственным путем. Отношения со странами БСС, хотя и признаются важными, считаются менее значимыми, чем отношения с западными странами. Геоэкономисты и стабилизаторы не так уверены в том, что постсоветское пространство в будущем исчезнет как единый регион и отмечают необходимость последовательной российской стратегии в отношении стран БСС: либо с точки зрения экономических связей (геоэкономисты), либо с точки зрения совместного обеспечения безопасности (стабилизаторы). Эти три школы охватывают практически

¹² См.: Tsygankov, A. P. (2003) Mastering Space in Eurasia: Russia's Geopolitical Thinking after the Soviet Break-up. — *Communist and Post-Communist Studies* 36 (1)

¹³ См.: Trenin, D. (2002) The End of Eurasia: Russia on the Border between Geopolitics and Globalization. — Wash.: Carnegie Center

2. Российские исследования в области постсоветской интеграции

весь диапазон академических дискуссий. Две оставшиеся школы включают неакадемических исследователей (хотя следует отметить, что они имеют значительное влияние в академической среде). Сторонники цивилизационного подхода рассматривают постсоветское пространство (которое они ассоциируют с восточнославянскими государствами) как регион, объединенный общей и особой цивилизацией, которая должна защитить его историческую территорию и уникальность. Экспансионисты считают постсоветское пространство первым шагом в процессе достижения Россией глобального могущества.

Описанная типология представляет собой развитие старого противопоставления «евразийцев» и «атлантистов» и должна рассматриваться (как и все схожие типологии) с большой осторожностью — само существование «атлантистов» в российском научном сообществе не является доказанным. Научное качество этой дискуссии справедливо оценивается, как достаточно низкое: часто идеологические аспекты и вопросы идентичности являются более важными, чем методологические и аналитические стандарты (этот вопрос детально обсуждается в уже цитировавшейся работе В. Морозова). Однако в этой области хотя бы ведется дискуссия — это уже больше того, что может быть сказано о «типичной работе», убивающей саму возможность споров и противоречий.

Интеграция на микроуровне: Вторая группа работ отходит от рассмотрения региональной интеграции с чисто нормативной точки зрения и концентрирует свое внимание на изучении вопросов, в которых постсоветские страны на самом деле достигли по крайней мере некоторого прогресса в региональной интеграции. Речь идет о развитии регионализации (например, расширения присутствия российских транснациональных компаний или растущей международной миграции). Этот подход имеет два главных преимущества в сравнении с «типичной работой». Во-первых, он в гораздо большей степени носит эмпирический характер: доступная сегодня информация относительно процесса регионализации на постсоветском пространстве крайне ограничена, поэтому необходимы детальные эмпирические исследования. Низкая доступность количественных данных (например, информация по прямым иностранным инвестициям является практически полностью недостоверной) делает необходимым использование качественных показателей, главным образом на основе материалов, опубликованных в СМИ и на корпоративных веб-сайтах. Во-вторых, для этого типа работ не так важна жесткая нормативная направленность (как для «типичных работ»). Главный вопрос связан не с описанием перспектив постсоветской интеграции, а с изучением реальной динамики развития экономических отношений на постсоветском пространстве. Тем не менее, значительная часть этой литературы рассматривает возможности, связанные с регионализацией на постсоветском пространстве по сравнению с традиционной стратегией регионализма по образцу Евросоюза. Регионализация часто трактуется как более реалистичная и адекватная стратегия с учетом постсоветской специфики. Эта идея не является новой для русскоязычной научной литературы¹⁴. В середине 90-х годов появилось множество исследований, подчеркивавших роль так называемых транснациональных финансово-промышленных групп (ТФПГ) как инструментов постсоветской интеграции. Однако эти работы были в основном нормативными¹⁵ (несмотря на то, что ряд ТФПГ был создан, их вклад в реальную интеграцию остается незначительным).

Эмпирические работы, концентрирующие внимание скорее на реальной взаимозависимо-

¹⁴ См.: Хейфец Б. (1989) Новая модель интеграционного сотрудничества стран СЭВ. — Москва: СЭВ, в качестве одного из первых примеров этого типа анализа.

¹⁵ См.: Ленский Е. В. и Цветков В. А. (1998) Транснациональные финансово-промышленные группы и межгосударственная экономическая интеграция. — Москва: Экономика и жизнь, а также последующие публикации этих авторов

сти, а не на нормативном анализе оптимальной государственной политики, публиковались и в прошлом¹⁶. Однако в последние годы произошел значительный рост исследований в этой области, что отражает реальное развитие связей между постсоветскими странами на микроуровне. Во-первых, резко возросло количество исследований, посвященных прямым иностранным инвестициям, осуществляемым российскими (и частично казахстанскими) компаниями, возможным препятствиям и последствиям подобной «корпоративной интеграции» для постсоветского региона¹⁷, а также взаимодействию в отдельных секторах, таких как банковский и финансовый рынки¹⁸, атомная энергетика¹⁹, сельское хозяйство, связь и т.д.²⁰. Исследования в этой области осуществляются как академическими, так и неакадемическими исследовательскими группами²¹. Во-вторых, еще одной сферой, привлекающей все большее внимание, является миграция рабочей силы на постсоветском пространстве, которая также стала актуальной темой внутривнутриполитических дискуссий в ряде стран БСС²². На сегодняшний день, исследования по миграции являются наиболее «продвинутой» областью в изучении постсоветской интеграции с методологической точки зрения: так как достоверной статистики и данных в этом случае явно недостаточно, социологи проводят большую работу, изучая конкретные сообщества мигрантов (что серьезно отличает эти труды от другой литературы, которая

¹⁶ Хороший пример ранних исследований экономических связей на микроуровне, вместе со «стандартными работами по постсоветской интеграции», можно найти в сборниках серии «Проблемы постсоветских стран», которые выпускались время от времени ОМЭПИ

¹⁷ Основной вклад в эту область исследований сделан Борисом Хейфецем из Института экономики РАН, который в ряде работ анализирует потенциал регионализации как основной инструмент региональной интеграции на постсоветском пространстве. Среди других работ в этой области можно назвать: Либман А. и Хейфец Б. (2006) Экспансия российской экономики в страны СНГ. — Москва: Экономика; Кузнецов А. (2007) Интернационализация российской экономики: Инвестиционный аспект. — Москва: СССР; Хейфец Б. и Либман А. (2008) Корпоративная интеграция: Альтернатива для постсоветского пространства. — Москва: Либроком; Хейфец Б. (2001) Взаимные инвестиции в СНГ. — Экономист (8); Барковский А. и Ушакова Н. (2001) Взаимодействие предпринимательских структур стран СНГ. — Проблемы прогнозирования (2); Кузьмина Е. (2008) Экономические позиции России в Центрально-азиатском регионе: Пути укрепления в условиях глобальной конкуренции. — Москва: Институт экономики РАН; Хейфец Б. (2011) Российский бизнес в странах ЕвразЭС: Модернизационный аспект. — Москва: Экономика. Ряд значимых работ была опубликована Алексеем Кузнецовым из Института мировой экономики и международных отношений РАН. Его исследования, впрочем, посвящены, прежде всего, развитию российских ТНК, лишь косвенно затрагивая, собственно, вопрос регионализации и корпоративной интеграции на постсоветском пространстве.

¹⁸ Головин М. (ред., 2010) Взаимодействие финансовых систем стран СНГ. — Санкт-Петербург: Алетей; Винокуров Е. (2009) Взаимные инвестиции в банковском секторе СНГ. — Евразийская интеграция (2); Абалкина А. (2008) Предпосылки и перспективы банковской интеграции в странах ЕвразЭС. — Евразийская экономическая интеграция (1); Мишина В. (2010) Интеграция финансовых рынков и взаимодействие бирж стран СНГ. — Евразийская экономическая интеграция (2); Захаров А. В. (2002) О концепции единого валютного пространства стран СНГ. — Москва: Юстицинформ, а также другие работы в основном принадлежащие перу этих авторов.

¹⁹ См.: Винокуров Е. (2007) Перспективы интеграции атомно-энергетических комплексов России и Казахстана в контексте процессов экономической интеграции. — Атомная стратегия (6)

²⁰ Регулярно публикуемые отчеты Евразийского банка развития дают подробную эмпирическую информацию о состоянии дел в отдельных сферах интеграции на микроуровне. В период с 2008 по 2011 год ЕАБР опубликовал 12 отраслевых докладов по атомной энергии, водным ресурсам, электроэнергии, экологическим проблемам, транспорту, изменению климата, сельскому хозяйству, космической отрасли, связи и сотрудничеству на фондовом рынке.

²¹ См.: например: РУСАЛ (2006) Русские идут: Зарождение транснациональных российских корпораций. — Москва; СКОЛКОВО (2008) Российский бизнес за рубежом: Динамика развития. — Сколково; Делойт (2008) Российские международные компании: Новые игроки для глобальной экономики. — Москва

²² См.: в том числе: Резникова О. (2009) Постсоветская трудовая миграция. — Мировая экономика и международные отношения (3); Тюрюканова Е. (2005) Денежные переводы мигрантов в российском контексте. — Pro et Contra 9 (1); Рязанцев С. (2005) Трудовая миграция в СНГ: Тенденции и проблемы регулирования. — Мировая экономика и международные отношения (11); Рязанцев С. (2008) Трудовая миграция в России в условиях интеграции в ЕвразЭС. — Вопросы экономики (6); Ивахнюк И. (2008) Влияние и функционирование евразийской миграционной системы. — Диссертация на соискание ученой степени д.э.н., Московский государственный университет. Эта литература, возможно, представляет собой область, где прослеживается довольно тесная связь, между российскими и международными исследованиями, вероятно потому, что в этой области очень велик спрос на эмпирические данные, в сборе которых участвуют российские ученые, а также потому, что российские исследователи используют довольно современную методологию. Таким образом, труды российских ученых по миграции на постсоветском пространстве нередко публикуются за рубежом, см., к примеру: Ioffe, G., and Z. Zayonchkovskaya (2010) Immigration to Russia: Inevitability and Prospective Inflows. — Eurasian Geography and Economics 51 (1)

2. Российские исследования в области постсоветской интеграции

обычно основывается на вторичной информации). В-третьих, важнейшая область исследований касается роли субнациональных регионов в постсоветской экономической интеграции и многообразия используемых ими стратегий²³. В ряде недавних работ рассматривались последствия экономического кризиса 2008–2010 гг. для постсоветской регионализации²⁴. Вклад этой эмпирической литературы, вероятно, наиболее интересен для исследователей, которые не интересуются конкретно постсоветской интеграцией, а занимаются сравнительным анализом регионализма или изучением внешнеэкономической деятельности постсоветских государств — хотя, насколько мне известно, их внимание к анализу интеграции на постсоветском пространстве остается крайне ограниченным.

Список эмпирических исследований нужно дополнить рядом крупномасштабных проектов, которые дают сведения общего характера на данную тему. Один из них — недавно опубликованный доклад «Система показателей евразийской интеграции», подготовленный Евразийским банком развития, который предоставляет обширную базу данных, характеризующую эволюцию интеграции на постсоветском пространстве и в отдельных группах стран в пяти областях: торговле, миграции, сельском хозяйстве, энергетике и образовательных услугах. Кроме этого, доклад содержит показатели, относящиеся к экономической конвергенции постсоветских государств. Другой проект — уже упомянутый «Евразийский монитор», в рамках которого осуществляется ряд регулярных социологических исследований, касающихся постсоветской интеграции в большой группе стран, а также проводятся более детальные исследования по отдельным темам, часто имеющим отношение к региональной интеграции (например, о роли русского языка в странах БСР — схожим проектом занимался Фонд «Наследие Евразии» в 2008 году — или о социальной интеграции постсоветских государств)²⁵. Здесь также стоит отметить небольшое число количественных исследований, посвященных различным аспектам постсоветской интеграции. Как уже отмечалось выше, основной акцент в русскоязычной литературе делается на качественный анализ, поскольку по-настоящему достоверных количественных данных крайне мало. Однако имеются работы, содержащие количественную оценку эволюции торговых взаимосвязей на постсоветском пространстве²⁶, в том числе цен во внешней торговле²⁷, и институциональной конвергенции в регионе²⁸.

²³ См.: Вардомский Л. (2008) Приграничное сотрудничество на новых и старых границах России. — Евразийская экономическая интеграция (1); Вардомский Л. (2009) Российское порубежье в условиях глобализации. — Москва: Либроком; Забелло Я. и Собянин А. (2001) Регионы России в Казахстане и Средней Азии: Правила эффективного сотрудничества. — Мимео

²⁴ Следует упомянуть ряд статей опубликованных Михаилом Головиним, Дарьей Ушкаловой и Александрой Якушевой, а также автором этого обзора в альманахе EDB Eurasian Integration Yearbook за 2011 год; а также Kurmanalieva, E., and E. Vinokurov (2011) Trends in Post-crisis Capital Flows in the CIS. — Euromoney Emerging Markets Handbook 2011/12 (скоро выйдет); Юдаева К. и Козлов К. (2010) Полный набор кризисных сценариев. — Москва: Центр макроэкономических исследований Сбербанка.

²⁵ Анализ общественного восприятия постсоветского регионализма и различий в общественных мнениях в странах БСР также предлагается в ряде других работ, например: Кертман Г. Л. (2005) СНГ — Между прошлым и настоящим. — ПОЛИС (6); Балацкий Е. (2005) Социальная гетерогенность единого экономического пространства. — Мониторинг общественного мнения (2). Екатерина Фурман предлагает ряд интересных статей по сравнительному анализу общественного мнения о Евросоюзе и СНГ и общественному отношению к этим блокам, см.: Фурман Е. (2007) Идея интеграции в ЕС и СНГ: Социальная база и альтернативы. — Современная Европа (2); Фурман Е. (2006) ЕС и СНГ: Интеграция и ее поддержка населением. — Свободная мысль (7-8)

²⁶ В этом контексте следует упомянуть вклад Ирины Гуровой: см. Гурова И. (2009) Региональная торговля и торговая интеграция в СНГ. — Евразийская экономическая интеграция (2); Гурова И. (2010) Региональная торговля СНГ: Механизм тяготения. — Международная экономика (3); Гурова И. и Ефремова М. (2010) Потенциал региональной торговли СНГ. — Вопросы экономики (7)

²⁷ См.: Савин В. А. (1999) Экспортно-импортные цены в торговле России с разными группами стран (СНГ и далее за рубежом). — Маркетинг в России и за рубежом (4)

²⁸ См.: Либман А. (2006) Роль экономической интеграции и дезинтеграции на постсоветском пространстве: Количественный анализ. — Проблемы прогнозирования (5)

Открытый регионализм, евразийская интеграция и нормативный анализ регионализма: Низкая результативность формальных институтов постсоветской интеграции в стремлении создать «евразийский ЕС» (который, как уже сказано, является характерным исходным положением «типичных» работ) требует внести корректировки и в нормативный анализ постсоветского регионализма. За последние годы появился ряд работ по этому вопросу, которые предлагают альтернативные решения данной проблемы. Вероятно, можно выделить две линии аргументации в этом контексте. Первая может быть определена как «открытый регионализм»²⁹. В отличие от «открытого регионализма» в Восточной Азии, который был направлен на создание недискриминационных по отношению к третьим странам торговых союзов, в постсоветском контексте «открытый регионализм» является главным образом попыткой, во-первых, уменьшить амбиции постсоветских стран (через нацеленность на более реалистичное сотрудничество на уровне конкретных неполитизированных сфер без создания сильных наднациональных органов) и, во-вторых, обеспечить возможность использования многочисленных региональных интеграционных структур с разным, но частично совпадающим представительством для осуществления многовекторной международной экономической политики, которая учитывает неоднородность интересов и стран в постсоветском регионе. Уже упомянутые работы Бориса Хейфеца (отмечающие преимущества региональной экономической интеграции на микроуровне), а также многочисленные интересные публикации Лидии Косиковой по оптимальной модели постсоветского регионализма³⁰ особенно важны в этом отношении³¹.

Вторая линия развития темы связана с движением от постсоветской к евразийской интеграции. Эта идея уже обсуждалась в различных контекстах и с разных методологических, теоретических и идеологических точек зрения³². Основным аргумент данных работ может быть сформулирован следующим образом: постсоветская интеграция не должна рассматриваться как нечто обособленное от интеграционных проектов в сопредельных регионах; наоборот, она должна быть вписана в контекст многочисленных интеграционных проектов и экономических связей, возникающих в Евразии. В частности, постсоветская интеграция не должна считаться «конкурентом» европейского регионализма (что, как уже было сказано, является одним из исходных положений, свойственных «типичной работе по постсоветской интеграции» и часто риторике российских политиков); наоборот, она с самого начала строится таким образом, чтобы совпадать с вектором на европейскую интеграцию, которому следуют многие постсоветские страны³³. В Азии, с другой стороны, важно обеспечить участие Китая в региональных интеграционных инициативах, поскольку его роль в Центральной Азии постепенно усиливается.

²⁹ См.: Косикова Л. (2010) На всех парусах. — Прямые инвестиции (2)

³⁰ См.: например: Косикова Л. (2008) Интеграционные проекты России на постсоветском пространстве: Идеи и практика. — Москва: ИЕРАС; Косикова Л. (2010) Проблемы консолидации содружества вокруг России в условиях внутренней неоднородности региона СНГ, в: Гринберг Р. (ред.) Избранные статьи 2005–2009 гг. — Москва: Экономика; Косикова Л. (2010) Экономическая политика России на постсоветском пространстве: Эволюция подходов, результаты и проблемы. — Москва: ИЕРАС. Следует выделить и другие работы Косиковой как интереснейший образец исследования исторической эволюции постсоветского регионализма, см.: например: Косикова Л. (2008) Итоги пятнадцатилетнего развития государств СНГ и их взаимного сотрудничества. — Континент партнерства (5); Косикова Л. (2004) Несостоявшаяся интеграция, или почему России не удалось объединить страны СНГ. — Мир перемен (1); Косикова Л. (2010) Экономическая политика России в постсоветском регионе (ретроанализ, оценка итогов, предложения). — Российский экономический журнал (2) и (3)

³¹ Среди других публикаций следует отметить Выпуск №7 в цикле «Проблемы постсоветских стран», вышедший в 2005 году, который посвящен двустороннему сотрудничеству между странами БСС как альтернативе менее успешному многостороннему регионализму.

³² См.: Винокуров Е. (2010) От постсоветской к евразийской интеграции. — Евразийская экономическая интеграция (3); Быков А. (2009) Постсоветское пространство: Стратегии интеграции и новые вызовы глобализации. — Санкт-Петербург: Алетея

³³ См.: Чернышев С. (2010) На пути к единой Евразии. — Россия в глобальной политике (3); Спартан А. Н. (2011) Евразийская перспектива постсоветской интеграции — Журнал новой экономической ассоциации (11)

3. Международные исследования постсоветской интеграции

Еще одно отклонение от «типичной работы по постсоветской интеграции» базируется на более детальном нормативном анализе эффектов постсоветского регионализма. В отличие от подхода «типичной» работы, которая *исходит* из необходимости постсоветской интеграции, авторы нескольких недавно вышедших публикаций пытаются *доказать*, что региональная интеграция на постсоветском пространстве будет привлекательной при определенных обстоятельствах. Доводы, используемые авторами, различны. В анализе Леона Зевина основные аргументы связаны с размером и насыщенностью экономического пространства постсоветского региона в сравнении с отдельными странами³⁴. Группа Феликса Клоцвога в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН пытается оценить экономический эффект различных сценариев постсоветского регионализма, анализируя межотраслевые балансы стран БСС³⁵. В Институте экономической политики им. Е. Т. Гайдара опубликован ряд работ, исследующих потенциал валютного союза в постсоветском регионе³⁶. Создание Таможенного союза вызвало новую волну исследовательских проектов, касающихся возможных экономических результатов постсоветской интеграции³⁷.

Другие подходы: В заключение следует отметить ряд других работ по постсоветской региональной интеграции, вышедших в России. В этих исследованиях делается попытка взглянуть на интеграцию с точки зрения, отличающейся от той, которая присутствует в «типичной работе», но не соответствует трем линиям исследования, описанным выше. Здесь нужно выделить труды Марины Стержневой по сравнительному анализу институтов СНГ и ЕС³⁸ и Владимира Евстигнеева по семантике постсоветской интеграции и роли регионализма как инструмента защиты квазимонополий³⁹. Хотя работы этих авторов крайне интересны и, в отличие от большинства других исследований, опубликованных на эту тему в странах БСС, имеют серьезную теоретическую основу, они, к сожалению, не оказали, по-видимому, существенного влияния на подход к анализу постсоветской интеграции российскими учеными.

Подводя итог, нужно сказать, что несмотря на доминирование подходов, присущих «типичной работе по постсоветской интеграции», российское научное сообщество в последнее время сформировало целый ряд интересных направлений исследований, важных для понимания постсоветской интеграции. Интеграция в регионе остается важным предметом исследования в российских научных кругах.

3. Международные исследования постсоветской интеграции

3.1. Постсоветская интеграция: Динамика и перспективы

Совершенно другая картина складывается, если обратиться к исследованиям, проводимым в мировом научном сообществе. Во-первых, внимание к постсоветскому регионализму является незначительным. В отличие от российских ученых, чьи исследования часто определяются нормативной мотивацией, международные исследователи более настроены на пози-

³⁴ См.: Зевин Л. (2009) Векторы внешнеэкономической политики России. — Вопросы экономики (10)

³⁵ См.: например: Клоцвог Ф., Сухотин А. и Чернова Л. (2008) Моделирование и прогнозирование ЕЭП России, Беларуси, Казахстана и Украины. — Проблемы прогнозирования (2)

³⁶ См.: Дробышевский С. и Полевой Д. (2004) Проблемы создания единой валютной зоны в странах СНГ. — Москва: ИЭПП

³⁷ См.: Мутинян В. И. (2011) Об интеграции Украины в цифрах. — Евразийская экономическая интеграция (3); Tochitskaya, I. (2010) The Customs Union between Belarus, Kazakhstan and Russia: An Overview of Economic Implications for Belarus. — GET IPM Policy Paper No. 2; Jandosov, Oraz, and Lyaziza Sabyrova (2011) Indicative Tariff Protection Level in Kazakhstan: Before and After Customs Union (Part I and Part II). — RAKURS Center for Economic Analysis Discussion Papers No. 5.3 and 5.4

³⁸ См.: Стержнева М. В. (1999) Европейский союз и СНГ: Сравнительный анализ институтов. — Москва: МОНФ

³⁹ См.: Евстигнеев В. (1997) Валютно-финансовая интеграция в ЕС и СНГ: Сравнительный семантический анализ. — Москва: Наука; Евстигнеев В. (1999) Таможенная интеграция в СНГ как пример экономического псевдоморфизма. — Вопросы экономики (12)

тивный анализ и поэтому «несуществующая» постсоветская региональная интеграция не так привлекательна для анализа. Даже во время «активного периода» западных исследований России в 90-х годах, когда дискуссии по экономическим и политическим трансформациям на постсоветском пространстве вызывали повышенный интерес среди ведущих экономистов и политологов, постсоветская интеграция оставалась второстепенной темой для изучения. Во-вторых, анализ региональной интеграции на постсоветском пространстве в международных исследованиях основан на более фундаментальной теоретической и методологической базе. Правда, аналог атеоретической «типичной работы по постсоветской интеграции» с явной нормативной мотивацией можно встретить и в международных научных исследованиях. Но речь идет не о типичном, а о маргинальном исследовании: подобные труды редко проходят через жесткое «сито отбора» в международных рецензируемых журналах.

Насколько нам известно, за пределами постсоветского пространства не существует исследовательских групп и организаций, которые бы систематически работали над проблемой постсоветской интеграции (хотя есть отдельные исследователи, уделяющие значительное внимание этой теме). Можно выделить несколько линий исследования постсоветского регионализма, которые серьезно отличаются по своей методологической основе и исследовательским целям и коренятся в разных общественных науках (экономика, международные отношения, политология и Area Studies).

Прежде чем я перейду к рассмотрению наиболее существенных и интересных работ, вероятно, будет полезным представить «западную разновидность» «типичной работы по постсоветской интеграции». Еще раз отмечу, что эти исследования, в строгом смысле этого слова, не представляют собой типичную работу на эту тему (в отличие от России, вероятно, из-за того, что гораздо более высокие требования, предъявляемые международными журналами и издателями, не позволяют теоретически и эмпирически слабым работам быть изданными). Тем не менее, подобная логика «типичной работы», как представляется, оказывает серьезное воздействие на мнение ряда западных исследователей (в частности, тех, кто занимается изучением России). В некотором смысле, такая «типичная работа» является зеркальным отражением российской «типичной работы», так как она основывается на ряде жестких установок (которые, как и в российских работах, принимаются без всяких доказательств). Во-первых, постсоветская интеграция считается явно неэффективной с точки зрения экономического и политического развития стран-участников; утверждается, что она не базируется на экономической целесообразности, так как лишь помогает сохранить неэффективные связи, оставшиеся с советских времен. Во-вторых, вследствие этого, единственная причина существования постсоветского регионализма, в рамках данного подхода, — политические амбиции России, которая стремится возродить империю и восстановить контроль над странами БСС. Поэтому, в-третьих, участие в постсоветской интеграции исключает всякую возможность интеграции с Европейским союзом (в некотором смысле, эти региональные интеграционные проекты также несовместимы, как и железнодорожные колеи в Европе и на постсоветском пространстве). Еще раз хочу отметить, что три установки, определяющие характер этой литературы, не позволяют рассмотреть действительно интересные вопросы. Экономические результаты возможного постсоветского регионализма должны анализироваться на серьезной теоретической и эмпирической основе. Поэтому восприятие постсоветского регионализма всего лишь как инструмента российского доминирования, является спорным. Более того, Россия в реальности не является самым активным участником создания подобного типа интеграционных связей: Беларусь или Казахстан довольно часто становятся инициаторами интеграционных процессов, а Россия лишь реаги-

3. Международные исследования постсоветской интеграции

рует на изменения в регионе⁴⁰. В целом, упрощенный взгляд на постсоветское пространство, как на арену противостояния между Россией и Западом, по-видимому, исходит из стереотипов, оставшихся со времен холодной войны, и не является продуктивным в современной науке. В-третьих, подход «типичной работы» не может объяснить растущую регионализацию на постсоветском пространстве и развитие экономических связей на микроуровне. Таким образом, как и в случае с российскими исследованиями, наиболее интересные публикации находятся вне рамок «типичной работы» и будут рассмотрены далее.

Постсоветская торговля: Во-первых, относительно большое количество трудов по экономике используют гравитационные регрессии для исследования эволюции торговли на постсоветском пространстве и пытаются оценить скорость и масштаб экономической и политической фрагментации в регионе. Как правило, эти работы приходят к выводу, что постсоветские страны до сих пор характеризуются более высокими масштабами взаимной торговли, чем это следовало бы из стандартных регрессий⁴¹ (что неудивительно, если посмотреть на общие данные анализа торговых потоков между бывшими колониями и метрополиями или между государствами, которые ранее были частью одного политического субъекта)⁴². Кроме того, есть определенные сходства в структуре внешней торговли стран БСС в отличие от переходных экономик Центральной и Восточной Европы, хотя диверсификация структуры международной торговли БСС также увеличивается⁴³. Несмотря на то, что эта литература обычно не содержит прямых нормативных утверждений, во многих исследованиях (но не во всех) косвенно делаются довольно мрачные выводы относительно перспектив постсоветского регионализма: структура внешней торговли стран БСС обычно менее развита; высокая стабильность торговли в регионе объясняется недостаточной степенью интеграции в мировую экономику и неразвитостью экономических и политических институтов.

Предполагаемые экономические результаты регионализма: Второй пласт литературы рассматривает, прежде всего, возможные экономические результаты постсоветского регионализма. В этом отношении международное научное сообщество предлагает более широкий спектр позиций, чем российское. В то время как некоторые ученые, занимающиеся эмпирическим анализом региональной интеграции, в основном считают, что постсоветский

⁴⁰ Были случаи, когда именно нежелание России продвигать региональную интеграцию препятствовало ее развитию: например, Россия не поддержала идею Евразийского союза, предложенную в начале 90х Назарбаевым и идею подписания соглашения о свободной торговле в рамках СНГ, предложенную правительством Тимошенко вместо Единого экономического пространства в середине 2000-х. Можно возразить, что в обоих случаях отрицательное отношение России к этим предложениям носило объективный характер и было связано с существенными институциональными недостатками предлагаемых проектов. Тем не менее, в обоих случаях генератором инициатив оказалась не Россия. Отношение между Россией и Беларусью являются еще одним наглядным примером того, как обе страны регулярно предлагают новые проекты, а затем обе от них отказываются.

⁴¹ См.: Djankov, S., and C. Freund (2002) Trade Flows in the Former Soviet Union. — *Journal of Comparative Economics* 30 (1); Fidrmuc, Jarko, and Jan Fidrmuc (2003) Disintegration and Trade. — *Review of International Economics* 11 (5); De Sousa, J., and O. Lamotte (2007) Does Political Disintegration Lead to Trade Disintegration: Evidence from Transition Countries. — *Economic of Transition* 15 (4); Babetskii, I., O. Babetskaia-Kukharchuk and M. Raiser (2003) How deep is your trade? Transition and international integration in Eastern Europe and the former Soviet Union. — Мimeo; Elborgh-Woytek, K. (2003) Of Openness and Distance: Trade Development in the Commonwealth of Independent States, 1993–2002. — IMF Working Paper No. 03/207; Shelburne, R. C., and O. Pidufala (2006) Evolving Trade Patterns in the CIS: The Role of Manufacturing. — UNECE Discussion Paper No. 2006.2; Shepotylo, O. (2009) Gravity with Zeros: Estimating Trade Potential of CIS Countries. — KSE Discussion Paper No. 16; Havrylyshyn, O., and H. Al-Altrash (1998) Opening up and Geographic Diversification of Trade in Transition Economies. — IMF Working Paper No. 98/22; Djankov, S., and C. Freund (2002) New Borders: Evidence from the former Soviet Union. — *Review of World Economics* 138 (3); Kurmanalieva, E., and E. Vinokurov (2011) Holding Together or Falling Apart: Results of Gravity Equation of the CIS Trade. — MPRA Working Paper No. 32003

⁴² См.: обзор в: Frankel, J. (1997) Regional Trading Blocs in the World Economic System. — Petersen Institute for International Economics

⁴³ См.: Broadman, H. G. (ed., 2005) From Disintegration to Reintegration: Eastern Europe and the Former Soviet Union in International Trade. — World Bank

регионализм может способствовать экономическому развитию стран региона, значительная часть международных исследователей придерживаются крайне скептического мнения о возможных результатах интеграции в регионе. По этой проблеме проведено относительно мало исследований. Существует лишь несколько детальных эмпирических работ. Константин Михайлопулос и Давид Тарр исследуют возможные статические и динамические результаты возможного таможенного союза в рамках СНГ и приходят к негативным выводам⁴⁴. С другой стороны, более глубокая интеграция между странами БССТ и Евросоюзом также необязательно выгодна для всех сторон⁴⁵. Однако имеются работы, в которых утверждается, что постсоветская интеграция потенциально может быть выгодна для ее участников и способна внести вклад в экономический рост⁴⁶. В целом, можно заключить, что необходим более детальный анализ, в том числе и потому, что ситуация в регионе, как и структура и состав участников региональных интеграционных соглашений, со временем меняется. Еще раз хочу отметить, что исследований на эту тему крайне мало и занимаются ею в основном экономисты. Кроме того, существует ряд работ, которые оценивают роль распада Советского Союза в экономическом спаде переходного периода и констатируют, что она являлась существенной⁴⁷.

Разнородность и взаимозависимость стран БССТ: Третья группа работ исследует один из, возможно, наиболее фундаментальных вопросов постсоветского регионализма: даже если предположить, что международное сотрудничество на постсоветском пространстве может принести положительные экономические результаты, необходимо четко определить границы этого пространства. Другими словами, требуется понять, почему мы предполагаем, что страны БССТ должны рассматриваться, как «естественное» пространство для региональной интеграции. Этот вопрос отнюдь не второстепенный, так как после распада СССР между постсоветскими странами появились существенные различия⁴⁸. Исследования дают разные ответы на этот вопрос, которые зависят от конкретных методологических подходов, используемых авторами.

В принципе, при определении границ регионов принято различать конструктивистский и эссенциалистский подходы. Первый трактует регион, как «социальный конструкт», определяемый (или даже «воображаемый») политиками, учеными и обществами. Второй пытается определить объективные критерии взаимозависимости стран региона. С конструктивистской точки зрения, границы региона постсоветского пространства и его субрегионов

⁴⁴ См.: Michailopoulos, C., and D. Tarr (1997) The Economics of the Customs Union in the Commonwealth of Independent States. — World Bank Working Paper; также см.: L. V. de Sousa (2011) An Initial Estimation of the Economic Effects of the EurAsEC Customs Union on Its Members. — Economic Premise, No. 47

⁴⁵ См.: Sulam, Pekka, and Mika Widgren (2003) EU Enlargement and Beyond: A Simulation Study on EU and CIS Integration. — CEPR Discussion Paper No. 2768

⁴⁶ См.: Freinkman, L., Polyakov, E., and C. Revenco (2004) Trade Performance and Regional Integration of the CIS Countries. World Bank Working Paper No. 38

⁴⁷ См.: Linn, J. F. (2004) Economic (Dis) organization Matters: The Soviet Collapse Revised. — Mimeo; Bevan, A. A., Estrin, S., Hare, P. G., and J. Stern (2001) Extending the Economics of Disorganization. — Economics of Transition 9 (1)

⁴⁸ Эта литература содержит ряд типологий постсоветского политического и экономического развития. В этом контексте нужно отметить следующие работы российских и международных ученых: Григорьев Л. И Саликов М. (2006) Вице-президент переходного периода. — Россия в глобальной политике (6); Pistor, K., Raiser, M., and S. Gelfer (2000) Law and Finance in Transition Economies. — Economics of Transition 8 (2); Барковский А. (ред., 2003) Экономические стратегии стран СНГ и Россия. — Москва: РУДН; Фурман Д. (2004) Дивергенция политических систем на постсоветском пространстве. — Свободная мысль (10) Stykow, P. (2010) Die Wahl des Wahlsystems: Demokratische Regeln, undemokratische Wahlen. — Osteuropa 60 (9); Макаркин А. (2007) Независимо от политических реформ в странах СНГ президент продолжает оставаться главной фигурой. — Независимая газета, 22 января; Iwasaki, I. (2003) Evolution of Government-Business Relationship and Economic Performance in the Former Soviet States. — Economics of Planning 36 (3); Gelman, V. (2008) Out of the Frying Pan, Into the Fire? Post-Soviet Regime Changes in Comparative Perspective. — International Political Science Review 29 (2); Frye, T. (1997) Politics of Institutional Change: Post-Communist Presidencies. — Comparative Political Studies; Макаренко В. (2005) Цветные революции в контексте демократического транзита. — Мир перемен (5)

3. Международные исследования постсоветской интеграции

находятся в состоянии непрерывного изменения. К примеру, работы данной группы уделяют значительное внимание формированию Центральной Азии, как региона⁴⁹. С эссенциалистских позиций существует два варианта анализа постсоветского пространства. Во-первых, можно сосредоточить внимание на *взаимозависимости* стран БСС. Этот тип исследований, который, как правило, базируется на теории комплекса региональной безопасности (regional security complex theory), часто приходит к выводу, что страны БСС по-прежнему характеризуются высокой степенью взаимозависимости⁵⁰. Другой подход делает акцент на однородность стран БСС в политическом или экономическом плане; здесь нужно отметить, что результаты разнятся в зависимости от того, сосредотачивают ли исследователи свое внимание на советском наследии (обеспечивающем однородность региона)⁵¹ или же уделяют особое внимание наследию досоветского периода, и поэтому заключают, что постсоветский регион состоит из весьма неоднородных стран⁵². Такие исследования осуществляются в рамках Area Studies, политологии и международных отношений.

Позитивный анализ формальной интеграции на постсоветском пространстве: Четвертый пласт литературы основывается на изучении предпосылок и факторов, определяющих эволюцию постсоветской *институциональной интеграции* как таковой (т.е. динамику развития формальных интеграционных образований, таких как СНГ и ЕврАзЭС). В этом случае, анализ в международной научной литературе полностью отличается от подходов, принятых в российских публикациях. Основное внимание в международной литературе сосредоточено на причинах неудач и некоторых успехах постсоветского регионализма. Как правило, такие исследования являются сравнительными по своей сути, т.е. делается попытка рассмотреть постсоветское пространство в контексте общей дискуссии о регионализме в различных частях мира. Таким образом, используется широкая теоретическая база (обычно почерпнутая из теории международных отношений и международной политэкономии) и удается выделить многие факторы, ведущие к слабости постсоветского регионализма, помимо пресловутого «отсутствия политической воли». Эта литература имеет, в целом, позитивную ориентацию, хотя многие из таких работ являются косвенно нормативными (тем не менее, это редко влияет на обоснованность позитивных результатов). Ряд работ рассматривает широкий спектр факторов, определяющих эволюцию постсоветского регионализма⁵³. Другие работы изучают отдельные факторы, влияющие на этот процесс, в том числе историческое наследие⁵⁴, асимметрию власти, экономических

⁴⁹ См.: Quoraboyev, I. (2010) Around the Names of Region: The Case of Central Asia. — UNU-CRIS Working Paper No. 5; в русскоязычной литературе идея «появляющейся» Центральной Азии исследуется в: Казанцев А. (2008) Большая игра с неизвестными переменными: Мировая политика и Центральная Азия. — Москва: Фонд «Наследие Евразии» (некоторые выводы были также опубликованы за рубежом в Europe-Asia Studies). Некоторые исследования были проведены в отношении роли региональной интеграции на постсоветском пространстве как инструмента в формировании национально-государственной идентичности, см.: Molchanov, M. (2007) Regionalist Promises in State Social Identity Construction: The Rhetoric of a Single Economic Space. — Mimeo

⁵⁰ См.: Buzan, B., and O. Waever (2003) Regions and Powers: The Structure of International Security. — Cambridge: Cambridge University Press

⁵¹ См.: Jones Luong, P. (2002) Institutional Change and Political Continuity in Central Asia. — Cambridge: Cambridge University Press

⁵² См.: Gleason, A. (2010) Eurasia: What Is It? Is It? — Journal of Eurasian Studies 1 (1)

⁵³ См.: Kubicek, P. (2009) The Commonwealth of Independent States: An Example of Failed Regionalism? — Review of International Studies 35; Olcott, M. B., Aslund, A., and S. Garnett (1999) Getting It Wrong: Regional Cooperation and the Commonwealth of Independent States. — Wash.: Carnegie Endowment for International Peace; Obydenkova, A. (2011) Multi-Level Governance in Post-Soviet Eurasia: Problems and Promises, in: Enderlein, H., Walti, S., and M. Zürn (eds) Handbook on Multi-Level Governance. — Cheltenham: Edward Elgar; Molchanov, M. (2009) Regionalism in Eurasia, in: Fagan, G. H., and R. Munck (eds) Globalization and security: An Encyclopedia. — Santa Barbara: Praeger Security International

⁵⁴ См.: Obydenkova, A. (2011) Benefits and Deficits of Multilateralism: Conceptualizing the Lessons of the Commonwealth of Independent States. — Rivista Italiana di Scienza Politica 41 (1); Kux, S. (1996) From the USSR to the Commonwealth of Independent States: Confederation or Civilized Divorce? in: Hesse J. J., and V. Wright (eds.) Federalizing Europe? The Costs, Benefits and Preconditions of Federal Political Systems. — Oxford: Oxford University Press; Bremmer, I., and A. Bailes (1998) Sub-Regionalism in the New Independent States. — International Affairs 74

и политических систем⁵⁵, экономические идеологии⁵⁶, взаимодействие с европейской интеграцией⁵⁷, другие внешние факторы⁵⁸, постсоветскую бюрократию⁵⁹, институциональные особенности региональных организаций⁶⁰, или внешнеполитическую ориентацию стран БСС⁶¹.

Близкая к данной группа работ подготовлена правоведами, исследующими институциональную конструкцию постсоветской региональной интеграции⁶². Большинство этих работ написаны уже достаточно давно, в ранний период постсоветской интеграции (когда ожидания относительно ее развития были высокими). Однако имеются многочисленные недавние интересные публикации Рилки Драгневой-Левенс, изучающей правовые аспекты экономической интеграции на постсоветском пространстве⁶³. Вклад экономистов в изучение постсоветской институциональной интеграции является незначительным. В первые годы после распада СССР вопрос межреспубликанских экономических отношений действительно привлекал внимание исследователей⁶⁴, но низкая эффективность постсоветского регионализма привела к исчезновению таких работ.

Защитная интеграция: Пятая группа исследований, в отличие от первых четырех, как представляется, находится на подъеме. Основная цель этих работ — связать существование формальных и неформальных связей между странами БСС (в том числе региональные интеграционные соглашения) с перспективами демократизации в регионе. Вопрос воздействия внешних факторов на уровень демократизации уже давно вызывал существенный интерес исследователей. Однако он всегда рассматривался с точки зрения внешних *демократических* факторов. Постсоветское же пространство, видимо, является регионом, в котором внешние *недемократические* факторы особенно ярко выражены. С этой точки зрения постсоветский регионализм получает совершенно новое толкование: его главной целью, с точки зрения пред-

⁵⁵ См.: Miller, E. A. (2006) To Balance or Not to Balance? Alignment Theory and the Commonwealth of Independent States. — Aldershot: Ashgate; D'Anieri, P. (1997) International Cooperation among Unequal Partners: The Emergence of Bilateralism in the Former Soviet Union. — International Politics 34 (4); Hancock, K. J. (2009) Regional Integration: Choosing Plutocracy. — New York: Palgrave MacMillan; Obyedkova, A. (2011) Comparative Regionalism: Eurasian Cooperation and European Integration: The Case for Neofunctionalism? — Journal of Eurasian Studies 2

⁵⁶ См.: Darden, K. A. (2009) Economic Liberalism and Its Rivals: The Formation of International Institutions among the Post-Soviet States. — Cambridge: Cambridge University Press

⁵⁷ См.: Maffiet, K., Verpoest, L., and E. Vinokurov (eds., 2007) The CIS, the EU and Russia: Challenges of Integration. — London: Palgrave MacMillan; Molchanov, M., and Y. Yevdokimov (2005) The European Union versus Russia: Evaluating attractiveness of inter-state cooperation in the post-Soviet space. In: Papanikos, T. G. (ed.) International research on global affairs. — Athens: Athens Institute for Education and Research

⁵⁸ См.: Molchanov, M. (2011) The Hubbleless Spokes: Competitive Regionalism in Eurasia. Mimeo; Molchanov, M. (2009) Regionalization from Above. Mimeo

⁵⁹ См.: Libman, A., and A. Vinokurov (2012) Post-Soviet Integration and the Interaction of Functional Bureaucracies. — Review of International Political Economy, готовится к печати

⁶⁰ См.: Gleason, G. (2004) The Reintegration of Eurasia: Functional Theory and Inter-State Policy Coordination. In: Khudolev, K. (ed.) Post-Communist Countries in the Globalized World. — St. Petersburg

⁶¹ См.: Jackson, N. (2003) Russian Foreign Policy and the CIS: Theories, Debates, and Actions. — New York and London: Routledge

⁶² См., например: Voitovich, S. A. (1993) The Commonwealth of Independent States: An Emerging Institutional Model. — European Journal of International Law 4; Balayan, O. M. (1999) Institutionelle Struktur der Wirtschaftsintegration in der Gemeinschaft Unabhängiger Staaten (GUS) Eine rechtliche Untersuchung der Organisation der GUS im Vergleich zur Europäischen Gemeinschaft. — Berlin: Duncker & Humblott; Danilenko, G. M. (1999) The Economic Court of the Commonwealth of Independent States. — International Law and Politics 31

⁶³ См., например: Dragneva, L. (2007) CIS Model Legislation and Its Contributions to Company Law Reform and Harmonization, in: Dragneva, L. (ed.) Investor Protection in the CIS. — Leiden: Martinus Nijhoff; Dragneva, R., and J. de Koort (2007) The Legal Regime for Free Trade in the Commonwealth of Independent States. — International and Comparative Law Quarterly 56 (2); Dragneva, R. (2004) Is 'Soft' Beautiful? Another Perspective on Law, Institutions, and Integration in the CIS. — Review of Central and East European Law 29 (3)

⁶⁴ См.: Orłowski, L. T. (1994) The Disintegration of the Ruble Zone: Driving Forces and Proposals for Policy Change. — Aussenwirtschaft 49; Orłowski, L. T. (1995) Direct Transfers between the Former Soviet Union Central Budget and the Republics: Past Evidence and Current Implications. — Economics of Planning 28; Dabrowski, M. (1995) The Reasons of the Collapse of the Ruble Zone. — Unpublished manuscript, CASE

3. Международные исследования постсоветской интеграции

ставителей этого подхода, является не содействие развитию экономического и политического сотрудничества между странами, а скорее обеспечение «взаимной защиты» авторитарных режимов в странах БСС (или, по крайней мере, попытка «изолировать» некоторые страны от внешних демократических воздействий). В частности, регионализм может использоваться во внутренних политических играх, как это происходит в России и Беларуси⁶⁵. Кроме того, постсоветские недемократические страны могут «обмениваться» не только символической, но и реальной поддержкой. Эта проблема подробно исследована российскими⁶⁶ и международными учеными: последние рассматривали, как формальные региональные интеграционные соглашения⁶⁷, так и неформальные межправительственные отношения⁶⁸ и своеобразный «обмен опытом» между авторитарными режимами и обществами в постсоветском регионе⁶⁹. Некоторые из новейших работ также посвящены влиянию регионализации и трансграничных экономических связей на субрегиональную демократизацию⁷⁰. Очевидно, что эти публикации в основном относятся к сфере политологии, хотя и подвержены влиянию исследований в области международных отношений. Если первоначально этот вопрос в основном изучался узкой группой ученых-страноведов, то в последнее время тема «взаимной поддержки авторитарий» вызывает все больше интереса у основной массы политологов (в частности, теоретиков переходного периода и демократизации)⁷¹.

⁶⁵ См.: Danilovich, Alex (2006) *Russian-Belarus Integration: Playing Games behind the Kremlin Wall*. — Aldershot: Ashgate; в русскоязычной литературе отличная работа была написана Юрием Дракохрустом и Дмитрием Фурманом, см.: Дракохруст Ю. и Фурман Д. (1998) *Перемены интеграции*, в: Фурман Д. (ред.) *Белоруссия и Россия: Общества и государства*. — Москва: Права человека

⁶⁶ См.: Фурман Д. (2004) *Россия, СНГ и ЕС*. — Мир перемен (3); Фельдман Д. (2005) *Взаимодействие элит стран СНГ*. — ПОЛИС; Фурман Д. (2010) *Движение по спирали: Политическая система России в ряду других стран*. — Москва: Весь мир

⁶⁷ См.: Allison, R. (2008) *Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia*. — *Central Asian Survey* 27 (2); Collins, Kathleen (2009) *Economic and Security Regionalism among Patrimonial Authoritarian Regimes: The Case of Central Asia*. — *Europe-Asia Studies* 61 (2); Allison, R. (2007) *Blockaden und Anreize: Autoritarismus und regionale Kooperation*. — *Osteuropa* 58 (8-9); Allison, R. (2010) *Virtual Regionalism and Protective Integration in Central Asia*, in: Sengupta, A., and S. Chatterjee (2010) *Eurasian Perspectives: In Search for Alternatives*. — Kolkata: Shipra Publications; Cameron, D. R., Orenstein, M. (2011) *Post-Soviet Authoritarianism: The Impact of International Actors, Linkages and Alliances*. — APSA 2011 Annual Meeting Paper

⁶⁸ См.: Ambrosio, T. (2009) *Authoritarian Backlash: Russian Resistance to Democratization in the Former Soviet Union*. — Ashgate; Ambrosio, T. (2006) *The Political Success of Russia-Belarus Relations: Insulating Minsk from a Color Revolution*. — *Demokratizatsiya* 14 (3); Silitski, V. (2006) *Contagion Deterred: Authoritarianism in the Former Soviet Union (The Case of Belarus)*. — CD-DRL Working Paper No. 66; Tolstrup, J. (2009) *Studying a Negative External Actor: Russia's Management of Stability and Instability in the 'Near Abroad'*. — *Democratization* 16; Burnell, P., and O. Schlumberger (eds, 2010) *Promoting Democracy — Promoting Autocracy?* — *International Politics and National Political Regimes*. — Special Issue of *Contemporary Politics*, Vol. 16, No. 1

⁶⁹ См.: Herd, G. P. (2005) *Colorful Revolutions and the CIS: «Manufactured» versus «Managed» Democracy*. — *Problems of Post-Communism* 52; Silitski, V. (2005) *Preempting Democracy: the Case of Belarus*. — *Journal of Democracy* 16; Hale, H. E. (2005) *Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia*. — *World Politics* 58; Hale, H. E. (2006) *Democracy or Autocracy on the March? The Colored Revolutions as Normal Dynamics of Patronal Presidentialism*. — *Communist and Post-Communist Studies* 39 (3); Silitski, V. (2010) *«Survival of the Fittest»: Domestic and International Dimensions of the Authoritarian Reaction in the former Soviet Union following the Colored Revolution*. — *Communist and Post-Communist Studies* 43 (4); Kubicsek, P. (2011) *Are Central Asian Leaders Learning from Upheavals in Kyrgyzstan?* — *Journal of Eurasian Studies* 2

⁷⁰ См.: Obydenkova, A., and A. Libman (2011) *Rethinking the Nature and Impact of External Factors on Regime Transition: Lessons for the Russian Regions*. — Mimeo

⁷¹ Как уже отмечено, в последние годы растет интерес к антидемократическим внешним факторам, т.е. вкладу недемократических режимов в становление других недемократических режимов (так называемый Авторитарный Интернационал), см., например: Ambrosio, Th. (2010) *Constructing a Framework of Authoritarian Diffusion: Concepts, Dynamics, and Future Research*. — *International Studies Perspectives* 11 (4). Постсоветский регионализм (вместе с Советом сотрудничества стран Персидского залива во время «арабской весны» и Шанхайской организацией сотрудничества) является, по-видимому, одним из наиболее очевидных примеров, отвечающих данной форме взаимодействия между режимами. В частности, во время конференции Американской ассоциации политической науки в 2011 году этой теме были посвящены две секции. На одной из них («Внешние субъекты и политические изменения») обсуждалась работа Валери Бунс и соавторов, исследующих формы сотрудничества между авторитариями в условиях внешнего давления со стороны демократического общества. Другая секция («Влияние анти-гегемонистских сил на демократизацию после холодной войны») включала в себя три работы, уделяющие основное внимание постсоветскому пространству (написанные Луканом Вэйем, Дэвидом Камероном, Митчеллом Оренштейном, и Тимоти Колтоном), которые главным образом посвящены антидемократическому российскому влиянию в регионе, и в которых делается вывод о незначительном и неоднозначном (фактически, уже есть примеры, когда влияние России косвенно поддерживало процессы демократизации в странах БСС) характере последнего.

Вероятно, можно выделить два направления этой литературы. Первое (и пока более распространенное) рассматривает Россию как антидемократическую силу и таким образом, в некотором смысле, берет на вооружение тезис «типичной работы» о постсоветской интеграции, как инструменте российского *доминирования*, переводя это явление с языка геополитики («попытка России контролировать соседние государства») на язык сравнительной политологии («попытка России создать систему автократий в соседних государствах»). Этот переход имеет некоторые преимущества (в нем рассматривается гораздо более широкий спектр вопросов, чем при стандартном восприятии геополитических конфликтов, как игры с нулевым исходом, характерном для «типичной работы») и недостатки (положение о том, что Россия стремится к контролю и политическому доминированию на постсоветском пространстве выглядит гораздо более соответствующим действительности, чем тезис о том, что Россия сознательно создает автократии в соседних государствах — автократии могут возникнуть как побочный продукт попыток создать лояльные режимы, но возникновение такого побочного продукта вовсе необязательно. Кроме того, Россия может поддерживать и создание демократических режимов (и в некотором смысле делает это, например, в случае с Кыргызстаном в 2010 году), если это в большей степени отвечает ее геополитическим интересам). В целом (в отличие от ситуации с «типичной работой»), в данном случае, по-видимому, консенсус в научном сообществе в отношении существования российского антидемократического влияния отсутствует: если некоторые работы подтверждают наличие такого влияния, то другие доказывают, что его нет. Многие публикации отмечают необходимость дальнейшего изучения этого вопроса с тем, чтобы определить конкретные пути влияния и возможные последствия.

Другое направление этой литературы рассматривает постсоветское интеграционное сообщество как коалицию автократий, поддерживающих друг друга, но необязательно из-за давления России. Скорее считается, что автократии развиваются в результате сочетания внутренних факторов и взаимного подражания и стараются поддержать друг друга через сотрудничество. Эти исследования имеют несколько преимуществ и очень сильно отличаются от «типичной работы». Во-первых, они посвящены скорее не *реальной* международной иерархии и соотношению сил в международных отношениях (которые являются неоднозначными в постсоветском мире), а символическим действиям и *внутренней политике* автократий. Во-вторых, они не расценивают постсоветский регионализм как всего лишь инструмент давления в российской внешней политике. В сущности, анализ «защитной интеграции» ясно показывает, почему Россия является часто, скорее, пассивным, чем активным участником постсоветского регионализма и почему другие автократии (такие как Беларусь) могут быть так заинтересованы в поддержании неэффективных и неработающих интеграционных ритуалов. Хороший пример — краткосрочное членство Узбекистана в ЕврАзЕСе, которое, с одной стороны, соответствует концепции «взаимной поддержки» членов Авторитарного Интернационала (так в этой литературе часто называется сообщество автократий), а с другой стороны, не имеет никакого отношения к давлению или влиянию России. И наконец, эти труды *действительно* объясняют, почему автократии в одних странах могут способствовать утверждению автократии в других государствах на постсоветском пространстве — потому, что режимы пытаются не допустить распространения альтернативной информации о демократизации у ближайших «соседей». Однако этот вид исследований, по-видимому, даже менее распространен, чем первый⁷².

⁷² Насколько мне известно, этот тип исследований более популярен в анализе центрально-азиатского регионализма, где соблазн обвинять Россию (и сосредоточиться на России как эмпирически более доступном объекте исследования) гораздо меньше.

3. Международные исследования постсоветской интеграции

Работы по «защитной интеграции» очень важны с еще одной точки зрения: рассмотренная выше литература по институтам постсоветской интеграции уделяет много внимания причинам неудач постсоветского регионализма, но не способна объяснить продолжающееся участие постсоветских государств в новых раундах «интеграционных ритуалов», особенно если учесть их слабую эффективность в прошлом. Логика «защитной интеграции» — одно из возможных объяснений⁷³.

Регионализация и мягкая сила: Шестой пласт литературы концентрирует свое внимание на постсоветской регионализации. Можно выделить две группы таких исследований. Первая прежде всего обращает внимание на «политическую логику», лежащую в основе прямых иностранных инвестиций и торговли на постсоветском пространстве и, в конечном итоге, рассматривает расширение экономических связей как пример «мягкого» давления, используемого Россией вместо традиционных военных и политических инструментов⁷⁴. Значительной проблемой этих исследований является то, что их основное положение — преобладание политики в международной экспансии российского бизнеса — эмпирически весьма спорно (этот фактор, несомненно, присутствует в отдельных случаях, однако представление о главенствовании политических соображений в принятии решений о российских инвестициях за рубежом опровергается многими исследователями⁷⁵). Таким образом, авторов больше интересуют конкретные аспекты взаимодействия, например, торговля Россией нефтью и газом на постсоветском пространстве⁷⁶.

Поэтому вторая группа исследований (подобно российским аналогам) концентрируется на изучении реальной логики экономических связей между странами БСС. В большинстве случаев такие работы относятся к исследованиям бизнеса и менеджмента⁷⁷. В этих работах как в таковых не делается попытки объяснить ход регионализации на постсоветском пространстве. Они больше нацелены на изучение возникновения и развития российских транснациональных компаний, признавая при этом, что многие постсоветские ТНК имеют сильную региональную направленность. На сегодняшний день существует ряд детальных работ, исследующих российские инвестиции в постсоветском регионе и прямые инвестиции российских транснациональных компаний за рубежом в целом с точки зрения их региональных приоритетов⁷⁸. Кроме того, Панъевропейский институт в Турку регулярно публикует

⁷³ См.: Libman, A. (2007) *Regionalization and Regionalism in the Post-Soviet Space: Current Status and Implications for Institutional Development*. Europe-Asia Studies 59 (3)

⁷⁴ См.: Nygren, B. (2008) *The Rebuilding of Greater Russia: Putin's Foreign Policy Towards the CIS Countries*. — Abingdon: Routledge; Nygren, B. (2008) *Russia's Use of Natural Gas to Reintegrate the CIS Region*. — *Problems of Post-Communism* 55; Tsygankov, A. (2006) *If Not By Tanks, Then By Banks? The Role of Soft Power in Putin's Foreign Policy*. — Europe-Asia Studies 58

⁷⁵ См.: Hanson, P. (2010) *Russia's Inward and Outward Foreign Direct Investment: Insights into the Economy*. — *Eurasian Geography and Economics* 51 (5); Kalotay, K. (2002) *Outward Foreign Direct Investments and Government in Central and Eastern Europe*. — *Journal of World Investment* 3 (2)

⁷⁶ См., например: Ortlung, R. W., and I. Overland (2011) *A Limited Toolbox: Explaining the Constraints on Russia's Foreign Energy Policy*. — *Journal of Eurasian Studies* 2 (1)

⁷⁷ Хотя некоторые исследования также рассматривают вопрос миграции на постсоветском пространстве, см.: Korobkov, A. V. (2007) *Migration Trends in Central Eurasia: Politics versus Economics*. — *Communist and Post-Communist Studies* 40

⁷⁸ См.: Crane, K. W., Peterson, D. J., and O. Olikar (2005) *Russian Investments in the Commonwealth of Independent States*. — *Eurasian Geography and Economics* 46; Filippov, S. (2010) *Russian Companies: The Rise of New Multinationals*. — *International Journal of Emerging Markets* 5 (3/4); Sethi, D. (2009) *Are Multinational Enterprises from Emerging Markets Global, Local or Regional?* — *European Management Journal* 27; Filatochev, I., Buck, T., and M. Write (1993) *Soviet All-Union Enterprises as New Multinationals in the CIS*. — *International Executive* 35 (6); Kalotay, K. (2010) *The Future of Russian Outward Foreign Direct Investment and the Eclectic Paradigm: What Changes after the Crisis of 2008–2009*. — *Competitio* 9 (1), а также множество других работ Кальмана Калотая и соавторов. Также следует упомянуть работу Юданова (Yudanov, A. (2000) *Economic Change and the National Question in Twentieth-Century USSR/Russia: The Enterprise Level*, in: Teichova, A., Matis, H., and J. Patek (eds) *Economic Change and the National Question in Twentieth-Century Europe*. — Cambridge), в которой автор указывает на существование «сообщества предприятий», переживших распад СССР. В этом случае, опять же, трудно определить, принадлежит ли автор к российскому или же к международному сообществу, так как он живет в России, но данная его работа в основном распространяется на английском языке.

доклады по этой теме, под общим названием «Экспансия или исход»⁷⁹. Большинство работ в этой области являются чисто описательными и сконцентрированы на исследовании конкретных случаев (опять же, подобно аналогичным российским работам). Однако в некоторых исследованиях используются эконометрические методы⁸⁰. Таким образом, есть очевидные параллели между развитием этой литературы в международном и российском академических сообществах.

Интересно, что это также является одной из областей, где российская наука активно реагирует на исследования, проводимые международным ученым сообществом (в большинстве других случаев работы, публикуемые в международных журналах, практически не оказывают никакого влияния на дискуссию в российских научных кругах). В частности, некоторые российские ученые настроены крайне критически по отношению к международным публикациям — во-первых, потому что последние, как им представляется, игнорируют русскоязычную литературу, а во-вторых, потому что они частично пренебрегают качеством данных⁸¹.

Что касается первой проблемы, она кажется неизбежной, если одна и та же тема исследуется двумя разными научными сообществами: похожая ситуация уже складывалась в отношениях между немецкоязычными и англоязычными экономистами. Единственное практическое решение этой проблемы (которое также было использовано в трансформации немецкой экономической науки⁸²) заключается в том, что членам меньшего академического сообщества (т.е. российским исследователям) необходимо пытаться публиковать свои работы за рубежом и осуществлять активную стратегию интеграции в мировое научное сообщество. Ясно, что такая интеграция сопряжена с серьезными трудностями⁸³, однако она представляется вполне достижимой целью, по крайней мере, в отдаленной перспективе. Другого выхода, в любом случае, у них нет — научная коммуникация более эффективна, если ведется по общим правилам и на общем языке, и этим языком неизбежно становится язык более крупного сообщества.

Вторая проблема, в некотором смысле, сводится к балансу между плюсами и минусами: работы, написанные российскими учеными, часто основаны на более качественной информации, однако они обычно слабее теоретически и почти всегда значительно слабее методологически, чем публикации в международных журналах. Это является одним из главных препятствий к их восприятию за рубежом, так как международное научное сообщество предъявляет высочайшие требования в отношении качества эмпирической методологии, которым многие российские ученые не соответствуют⁸⁴.

3.2. Интеграция в Центральной Азии

В отличие от других субрегионов постсоветского пространства (например, треугольник Россия-Украина-Беларусь), Центральная Азия стала предметом независимой научной литературы, которая, хотя и переплетается с исследованием постсоветского пространства в це-

⁷⁹ См., например: Vahtra, P. (2005) *Russian Investments in the CIS — Scope, Motivation and Leverage*. — Pan-European Institute, Turku School of Economics, Electronic Publication No. 9; Vahtra, P. (2007) *Expansion or Exodous? — The New Leaders among the Russian TNCs*. — Pan-European Institute, Turku School of Economics, Electronic Publication No. 13, а также многие интересные работы, опубликованные главным образом в электронном варианте на сайтах Пан-европейского института.

⁸⁰ См.: Kalotay, K., and A. Sulstarova (2010) *Modeling Russian Outward FDI*. — *Journal of International Management* 16

⁸¹ См.: Кузнецов А. (ред. 2010) *Влияние российской инвестиционной экспансии на образ России в Европе*. — Москва: ИММО

⁸² См.: Либман А. (2011) *Немецкая экономическая наука: Механизмы трансформации*. — Журнал Новой экономической ассоциации (8)

⁸³ В отношении российских исследований см. дискуссию в: Савельева И. М. и Полетаев А. В. (2009) *Публикации российских авторов в зарубежных журналах по общественным и гуманитарным дисциплинам в 1993–2008 гг.* — Препринт ВШЭ №6/2009/02

⁸⁴ Однако следует отметить, что есть примеры публикации работ российских исследователей в международных журналах, см., например: Kuznetsov, A. (2010) *Urgent Tasks for Research on Russian TNCs*. — *Transnational Corporations* 19 (3)

3. Международные исследования постсоветской интеграции

лом, имеет свои собственные цели и предметы интереса (а также журналы и конференции). Внимание международного научного сообщества к центрально-азиатской интеграции гораздо пристальнее, чем к теме постсоветского регионализма, что, в некотором смысле, удивительно. Действительно, в то время как интерес к изучению России ослабевает практически во всех общественных науках, исследования, касающиеся Центральной Азии, остаются актуальными, отражая трудности, связанные с пониманием ситуации в центрально-азиатских странах без глубоких знаний особенностей региона. В то время как многие исследователи ограничивают свой интерес тем, что можно назвать «постсоветской Центральной Азией» (т.е. Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан), другие пытаются включить в свой анализ страны, находящиеся за пределами территории БСС (например, Китай, Афганистан, Пакистан, Индия и Монголия). Другой интересной чертой этой литературы является значительно отличающийся нормативный фокус работ по интеграции в Центральной Азии. В отношении постсоветской интеграции, по-видимому, доминирующей (но не единственной) является довольно скептическая точка зрения: в то время как одни наблюдатели считают, что региональная интеграция на территории БСС может внести положительный вклад в экономическое развитие, другие оценивают последствия интеграции негативно. В отношении Центральной Азии, однако, исследователи в основном сходятся во мнении, что интеграция способна дать позитивные результаты: во многих работах региональная интеграция рассматривается как возможный источник экономического роста⁸⁵. Мартин Спехлер даже называет отсутствие сотрудничества в Центральной Азии «патологией»⁸⁶.

Существует, возможно, несколько причин разного отношения к постсоветской интеграции и интеграции в Центральной Азии в научных работах. Во-первых, Центральная Азия состоит из группы стран, не имеющих выхода к морю, и сталкивающихся с огромными трудностями при выходе на мировые рынки⁸⁷. Таким образом, региональная интеграция представляется рациональным решением, способствующим экономическому росту. Во-вторых, в Центральной Азии нет альтернативы региональной интеграции: в Восточной Европе европейская интеграция может показаться более привлекательной, чем участие в постсоветском регионализме (что, как уже было отмечено, очень часто интерпретируется и российскими и международными исследователями как взаимоисключающие варианты). И, наконец, в-третьих, «типичная работа» по постсоветской интеграции в «западной версии» оказывает очень мало влияния на исследования регионализма в Центральной Азии и поэтому региональная интеграция вряд ли будет рассматриваться с точки зрения установления господства (интеграция Казахстана и Кыргызстана очевидным образом не имеет никакого отношения к «российскому империализму»). Наоборот, Центральная Азия воспринимается сквозь призму стандартных трудов по исследованиям развития (development studies), которые расценивают региональную интеграцию как важный положительный фактор экономического развития (работы по Центральной Азии, в отличие от работ по постсоветскому

⁸⁵ См.: Green, D. J. (2001) Regional Co-operation Policies in Central Asia. — *Journal of International Development* 13; Bartlett, D. L. (2001) Economic Development in the Newly Independent States: The Case for Regionalism. — *European Journal of Development Research* 13; Geyikdagı, N. V. (2005) Regional Integration in Central Asia. — *Journal of Asia Pacific Business* 6; Gleason, G. (2001) Inter-State Cooperation in Central Asia: from the CIS to the Shanghai Forum. — *Europe-Asia Studies* 53; UNDP (2005) Central Asia Human Development Report: Bringing Down Barriers. — Bratislava: UNDP; Badykova, N. (2006) Regional Cooperation in Central Asia: A View from Turkmenistan. — *Problems of Economic Transition* 48 (8); Olimova, S., Kurbonov, S., Petrov, G., and Z. Kahhorova (2006) Regional Cooperation in Central Asia: A View from Tajikistan. — *Problems of Economic Transition* 48 (9)

⁸⁶ См.: Spechler, M. C. (2001) Regional Non-Cooperation in Central Asia: A Pathology, in: Sutcliffe, P. (ed.) *NATO Economic Colloquium*. — Brussels: NATO

⁸⁷ См.: World Bank (2009) *World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography*. — Wash.: World Bank; Raballand, G., Kunth, A., and Richard A. (2005) *Central Asia's Transport Burden and Its Impact on Trade*. — *Economic Systems* 29

пространству в целом, можно найти в научных журналах научного мейнстрима, посвященных экономическому развитию)⁸⁸.

Тем не менее, слабость региональной интеграции в Центральной Азии породила большое число работ, часто приводящих похожие и даже идентичные, используемыми при анализе постсоветского регионализма, аргументы (хотя некоторые аргументы отражают особенности региона, такие как специфика конфликтов в центрально-азиатской водной и энергетической системе, которая, с одной стороны, усиливает значение регионального сотрудничества, но с другой, создает дополнительные трудности для последнего)⁸⁹. На современном этапе развития центрально-азиатский регионализм очень часто трактуется как разновидность «защитной интеграции», как и в случае с постсоветским пространством⁹⁰.

Очевидно, что размытые границы Центральной Азии усиливают внимание к еще одному вопросу, который уже рассматривался в контексте постсоветской интеграции — «оптимальному» интеграционному пространству с точки зрения как неоднородности приоритетов, так и степени реальной взаимозависимости. Как уже было отмечено, значительная часть исследований посвящена конкретно Центральной Азии и сотрудничеству между пятью центрально-азиатскими странами. Однако в некоторых работах отмечается, что центрально-азиатская интеграция вряд ли жизнеспособна без участия в ней других постсоветских стран⁹¹. В еще одной группе книг и статей исследуется роль «экстрарегиональных» субъектов (таких как Китай и Россия) с точки зрения динамики политического и экономического сотрудничества в Центральной Азии⁹². Эти исследования анализируют как мягкую силу, так и традиционные инструменты давления, имеющиеся в наличии и используемые отдельными экстрарегиональными державами в целях усиления своей роли в Центральной Азии. В частности, значительное внимание в анализе уделяется относительному снижению российского влияния в 90-х годах и попыткам России восстановить это влияние в 2000-х, а также возрастающей роли Китая как экономического и политического игрока в регионе.

⁸⁸ Это, возможно, также является одной из причин, почему Центральной Азии уделяется относительно больше внимания, чем постсоветскому пространству: Россия не соответствует параметрам исследований по экономике развития и работы по России не имеют шансов на публикации в соответствующих журналах.

⁸⁹ См.: Akiner, S. (2007) *Regional cooperation in Central Asia*. — School of Oriental and African Studies, University of London; Pomfret, R. (2002) *National Borders and Disintegration of Market Area in Central Asia after 1991*, in: Mueller, U. and H. Schultz (eds) *National Borders and Economic Disintegration in Modern East Central Europe*. — Berlin: Anno Spitz; Pomfret, R. (2009) *Regional Integration in Central Asia*. — *Economic Change and Restructuring* 42; Spechler, M. C. (2002) *Regional Cooperation in Central Asia*. — *Problems of Post-Communism* 49; Kulipanova, E. (2010) *Functional Cooperation in Central Asia: The Case of Asymmetrical Interdependence?* — Mimeo; Melvin N. L. (2008) *Engaging Central Asia*. — Brussels: CEPS; Olcott, M. B. (1996) *Central Asia's New States: Independence, Foreign policy, and Regional Security*. — Wash.: US Institute of Peace Press; Rall, T. (2006) *Silk Road to Ruin: Is Central Asia the New Middle East?* — New York: NBM Publishing; Spechler, M. C. (2000) *Regional Cooperation in Central Asia: Promises and More Promises*. — PRAXIS — The Fletcher Journal of Development Studies 16

⁹⁰ Соответствующие работы приведены выше

⁹¹ См.: See Qoraboyev, I. (2010) *From Central Asian Regional Integration to Eurasian Integration Space? Changing Dynamics of the Post-Soviet Regionalism*. — EDB Eurasian Integration Yearbook 2010. Almaty: EDB; Libman, A., and E. Vinokurov (2012) *Is It Really Different? Patterns of Regionalization in the Post-Soviet Central Asia*. — *Post-Communist Economies*, готовится к печати

⁹² См., например: Spechler M. C., and D. R. Spechler (2010) *Is Russia Succeeding in Central Asia*. — *Orbis* 54; Allison, R. (2004) *Regionalism, Regional Structures and Security Management in Central Asia*. — *International Affairs* 80; Blank, S. (1995) *Energy, economics and security in Central Asia: Russia and its rivals*. — *Central Asian Survey* 14; Bohr, A. (2004) *Regionalism in Central Asia: New Geopolitics, Old Regional Order*, *International Affairs* 80; Allison, R., and L. Johnson (eds, 2001) *Central Asian Security: The New International Context*. — London: Royal Institute of International Affairs; Kavalski, E. (ed., 2010) *The New Central Asia: The Regional Impacts of International Actors*. — Singapore: New Scientific Publishing; Li, H. Y. and Z. Wang (2009) *Assessing China's Influence in Central Asia: A Dominant Regional Power?* — University of Nottingham China Policy Institute Briefing No. 53; Niklasson, C. (2008) *Russian Leverage in Central Asia*. — Report No. FOI-R-2484-SE, FOI; Peyrouse, S. (2007) *The Economic Aspects of the Chinese-Central-Asia Rapprochement*. — Washington: Silk Road Papers, Central Asia and Caucasus Institute; Tang, S. (2000) *Economic Integration in Central Asia: The Russian and Chinese Relationship*. — *Asian Survey* 40; Wu, H.-L., and C.-H. Chen (2004) *The Prospects for Regional Economic Integration Between China and the Five Central Asian Countries*. — *Europe-Asia Studies* 56; Rumer, E., Trenin, D., and H. Zhao (2007) *Central Asia: Views from Washington, Moscow, and Beijing*. — Armonk: M. E. Sharpe, и многие другие публикации

Далее, интереснейшая группа исследований посвящена регионализации в Центральной Азии. В этом отношении Центральная Азия действительно сильно отличается от остального постсоветского пространства, в частности из-за большой роли неформальных торговых связей. В нескольких работах рассматриваются изменения в структурах торговли на основе официальной статистики⁹³. В других исследованиях анализируется рыночная интеграция в Центральной Азии и, в частности, влияние границ на дисперсию розничных цен⁹⁴. И, наконец, существует значительное количество работ, посвященных неформальной торговле в Центральной Азии. В этих исследованиях анализ в основном базируется на более или менее разработанных методах оценки «зеркального импорта», однако исследователи также обращают особое внимание на выявление торговых путей и роли экстрарегиональных партнеров (в настоящее время китайские потребительские товары, попадающие в Центральную Азию через Кыргызстан и Таджикистан и перепродающиеся в другие страны, играют, как представляется, ключевую роль в интеграции региона)⁹⁵. Центральная Азия является также предметом исследования небольшого количества работ, в которых делается попытка перейти от рассмотрения постсоветской интеграции к рассмотрению евразийской интеграции (включая как формальный регионализм, так и неформальную регионализацию)⁹⁶.

4. Заключение

Целью этой работы был обзор основных направлений исследования постсоветской и центрально-азиатской региональной интеграции как российским, так и международным научными сообществами. Фактически, существует значительная разница между этими двумя исследовательскими группами, поскольку связи между российскими и международными учеными, занимающимися постсоветским регионализмом, выглядят крайне ограниченными: российские работы редко цитируются в международных журналах; российские журналы отвечают тем же в отношении опубликованных за рубежом работ. В России все еще наблюдается преобладание «типичной работы по постсоветской интеграции», для которой характерен упрощенческий подход, доминирование нормативного анализа и, зачастую, высокая степень влияния идеологических соображений. Авторы этих публикаций, как правило, пишут о блестящих перспективах евразийского интеграционного проекта по образцу

⁹³ См.: Luecke, M., and J. Rotherth (2006) Central Asia's Comparative Advantages in International Trade. — Kiel Economic Policy Paper No. 6; Myant, M., and J. Drahokoupil (2008) International Integration and the Structure of Exports in Central Asian Republics. — Eurasian Geography and Economics 49; Pomfret, R. (2005) Trade Policies in Central Asia after EU Enlargement and before Russian WTO Accession. — Economic Systems 39; Kurmanalieva, E. (2008) Empirical Analysis of Kyrgyz Trade Pattern. — Eurasian Journal of Business and Economics 1 (1); Kurmanalieva, E., and Z. Papava (2008) Geography and Trade in Central Asia. — EERC Research Grant Paper RO6-085; Carrere, C., and C. Grigoriou (2008) Landlockedness, Infrastructure and Trade: New Estimates for Central Asian Countries. — CERDI Working paper No. 2008.01; Felipe, J., and U. Kumar (2009) The Role of Trade Facilitation in Central Asia: A Gravity Model. — Mimeo; Grigoriou (2007) Landlockedness, Infrastructure and Trade: New Estimates for Central Asian Countries. — World Bank Working Paper WPS 4335

⁹⁴ См.: Grafe, C., Raiser, M. and T. Sakatsume (2008) Beyond Borders — Reconsidering Regional Trade in Central Asia. — Journal of Comparative Economics 36

⁹⁵ См.: Kaminski, B. and S. Mitra (2010) Skeins of Silk: Borderless Bazaars and Border Trade in Central Asia. — Washington: World Bank; Kaminski, B. and G. Raballand (2009) Entrepot for Chinese Consumer Goods in Central Asia: The Puzzle of Re-Export through Kyrgyz Bazaars. — Eurasian Geography and Economics 50; Raballand, G., and A. Andresy (2007) Why Should Trade Between Central Asia and China Continue to Expand? — Asia Europe Journal 5

⁹⁶ См.: Linn, J. F., and D. Tiomkin (2006) The New Impetus Towards Economic Integration between Europe and Asia. — Asia Europe Journal 4 (1). Йоханнес Линн также продвигал идею «евразийской интеграции» в ряде последующих работ. Следует также отметить многочисленные публикации Маркуса Кайзера, посвященные неформальным торговле и неформальным торговым сетям в Евразии. Можно надеяться, что результаты этих исследований будут обобщены в его книге, которая вскоре будет издана: Kaiser, M. (2012) Eurasia in the Making — Revival of the Silk Road. A Study on Cross-border Trade and Markets in Contemporary Uzbekistan. — Transcript Verlag. Системный анализ евразийской и постсоветской интеграции будет темой книг, написанных автором этого обзора совместно с Евгением Винокуровым, которые готовятся к изданию в издательстве «Палгрейв Макмиллан»: *Holding-Together Regionalism: Twenty Years of Post-Soviet Integration* и *Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism*.

ЕС и сетуют об отсутствии политической воли для его реализации. Тем не менее, развивается и другое направление исследований, которое отходит от нереалистических положений «типичной» и сосредотачивается на эмпирическом изучении экономических взаимосвязей между постсоветскими странами, в частности в области прямых иностранных инвестиций, миграции и субрегионального сотрудничества. Также растет количество нормативных работ, авторы которых отходят от идеи «евразийского ЕС», выдвигаемой «типичной работой по постсоветской интеграции», и пытаются представить более проработанную основу для международного сотрудничества в Евразии. Как бы то ни было, изучение постсоветской интеграции по-прежнему представляет повышенный интерес для российских ученых, прежде всего экономистов и политологов, а также историков.

Внимание международного сообщества к постсоветскому регионализму и регионализации намного меньше. Здесь тоже можно встретить исследования, аналогичные русскоязычной «типичной работе по постсоветской интеграции», авторы которых рассуждают (в лучших традициях холодной войны) о «злых имперских амбициях» России, якобы использующей постсоветскую интеграцию для восстановления своего влияния в ближнем зарубежье. Однако, хотя такие соображения и влияют на позицию ряда западных авторов, их роль в научных журналах является маргинальной. Можно выделить шесть различных по подходу типов литературы, которые дают гораздо более интересные и нетривиальные результаты: эконометрические исследования торговли в постсоветском регионе (в основном в экономической науке); количественный анализ возможных последствий постсоветского регионализма (тоже проведенный экономистами); количественные и качественные оценки общности и взаимозависимости постсоветских стран как основной предпосылки интеграции (осуществленные специалистами в области Area Studies и международных отношений); анализы формальных институтов постсоветской интеграции, ее перспектив и причин, препятствующих ее развитию (проведенные политологами, правоведами и экспертами в области международных отношений); исследования негативного влияния постсоветского регионализма на состояние демократии в странах региона (осуществленные, главным образом, политологами и страноведами); работы, посвященные возникающим трансграничным связям между странами БСС (в области международного бизнеса и менеджмента, а также страноведения) и роли этих связей в стратегиях «мягкой силы» стран БСС (в сфере политологии, страноведения и международных отношений). В целом, нормативная оценка постсоветского регионализма в международной литературе выглядит неоднозначной.

Наблюдается определенный количественный рост последних двух типов, в то время как первые четыре типа становятся менее распространенными. Интерес к влиянию постсоветского регионализма на состояние демократии, возможно, вызван внутренней логикой сравнительного анализа демократизации, где вопрос воздействия внешних недемократических сил становится все более и более актуальным. Интерес к мягкой силе и экспансии российских транснациональных компаний, вероятно, вызван изменениями в самом регионе, что привлекает внимание исследователей (как российских, так и международных). Однако есть и другие важные изменения в регионе, которые могут повлиять на научное сообщество. Одно из наиболее ярко выраженных — создание Таможенного союза в 2010 году. Если предыдущие этапы постсоветского регионализма в основном представляли собой интеграцию, существовавшую исключительно на бумаге, то Таможенный союз является функционирующим интеграционным образованием; поэтому имеет смысл исследовать его возможные экономические последствия на участвующие страны и вероятность конфликтов между ними.

Кроме того, возникает вопрос — почему Таможенный союз состоялся, а предшествующие проекты провалились⁹⁷? Эти вопросы, возможно, привлекут большее внимание ученых в будущем.

Интересной чертой исследований по постсоветской интеграции является то, что большинство из них игнорируют другую группу работ, явно близкую по тематике, анализирующую распад Советского Союза. Последняя тема привлекает значительное внимание как международного⁹⁸, так и русскоязычного научных сообществ. С точки зрения обоих вариантов «типичной работы», причина проста. Для «российского» варианта распад СССР был всего лишь исторической ошибкой, которую следует исправить путем региональной интеграции (это необязательно относится ко всему постсоветскому пространству, но, несомненно, к ключевым странам). Для «западной» разновидности регионализм является попыткой России восстановить контроль над территорией своей потерянной империи. Однако с позитивной точки зрения, вопрос далеко не так прост. Многие положения, объясняющие, например, почему регионализм на постсоветском пространстве может быть выгодным, игнорируют тот факт, что такие же предпосылки существовали и в СССР, но это не помогло предотвратить развал страны⁹⁹. Существует большое количество работ, объясняющих, почему СССР распался, а Российская Федерация — нет, однако почти отсутствует сравнительный анализ отношений между республиками Советского Союза и отношений между центром и регионами в Российской Федерации¹⁰⁰. По моему мнению, установление прямых связей между этими тремя группами научных работ (по распаду СССР, российскому федерализму и постсоветскому регионализму) относится к числу важных исследовательских задач, еще ожидающих своего решения.

Ситуация с изучением Центральной Азии в международном научном сообществе в корне отличается от описанной выше. Регион привлекает много внимания, и оценка перспектив региональной интеграции является почти однозначно позитивной. Авторы отмечают трудности, препятствующие интеграции в регионе, и рассматривают возможные сомнительные последствия регионализма для демократизации. Кроме этого, существуют интереснейшие исследования в области неформальных трансграничных связей в Центральной Азии, которые действительно играют существенную роль в этом регионе.

⁹⁷ Одним из возможных объяснений может быть то, что страны ЕСС больше склонны к сотрудничеству в периоды кризиса, см.: Vinokurov, E. (2010) The Evolution of Kazakhstan's Position in Relations with Russia in 1991–2010. — MPRA Working Paper No. 22187

⁹⁸ Для ознакомления см.: Laitin, D. (2000) Post-Soviet Politics. — *Annual Review of Political Science* 3

⁹⁹ Некоторым исключением является уже упомянутая работа Дмитрия Фурмана, который ставит эволюцию СССР и СНГ в одни и те же рамки.

¹⁰⁰ См., однако: Sakwa, R. (2011) The Clash of Regionalisms and Caucasian Conflict. — *Europe-Asia Studies* 63 (3); Libman, A. (2011) Russian Federalism and Post-Soviet Integration: Divergence of Development Paths. — *Europe-Asia Studies*, 63 (8); Libman, A. (2009) Federalism, Integration, and Multilevel Governance in Eurasia: Intergovernmental Relations Across and Within the National Borders in the Post-Soviet Space. — Saarbrücken: VDM Verlag

Introduction

This work by Alexander Libman is published as part of a series of reports by the EDB Center for Integration Studies. It represents a high-quality and detailed critical review of the research literature on post-soviet integration that has been published in the last 20 years. This is the first work of its kind. Being affiliated with research institutions in Frankfurt am Main, Moscow and Shanghai, the author of the review is a reputed and active researcher of post-soviet integration, who knows the subject of his studies extremely well. He tries to look at the subject from both the outside and the inside, which is especially important in the context of the work.

The author analyzed the major trends of research of the regional integration processes in the post-Soviet region and Central Asia that have been carried out by both the Russian and international academic communities. He concludes that one of the problems is that this research is still dominated by the influence of the “average post-Soviet integration paper.” In particular, the Russian (Russian-language) version of the “average post-Soviet integration paper” suffers from a number of shortcomings. These include: a simplistic approach; an inherent normative nature; a heavy ideological burden; and a strong belief in the advantages of post-Soviet integration over other possible options.

Nonetheless, there is another group of papers, which are increasing in number. They are based on a more “mature” methodology and focus on empirical data about the economic linkages between post-Soviet countries; and include data about foreign direct investment, migration, and sub-regional cooperation. There are also an increasing number of normative papers whose authors try to depart from the idea of “Eurasian EU”, and provide a more elaborated and detailed framework for international cooperation in Eurasia.

Ideological bias and low research standards also happen to be typical of the international academic community. In the traditions of Cold War thinking, some of its representatives speak of the imperial ambitions of Russia; which they allege attempts to use post-Soviet integration to restore its influence in the so-called Near Abroad.

The author identifies a number of distinguishing features of integration research papers published in the last 20 years. For instance, most of the authors of papers on post-Soviet integration disregard a clearly relevant group of papers that examine in detail the collapse of the Soviet Union. This approach does not in fact seem to be methodologically correct. Integration and disintegration are the two sides of one coin: a good integration theory should simultaneously be a theory of disintegration.

It should be noted that the critical review by Alexander Libman concentrates on research by Russian experts, and does not cover the academic research on post-Soviet integration that has been done in Kazakhstan, Ukraine, Belarus and other post-Soviet countries.

The EDB Center for Integration Studies is ready to provide a discussion forum for researchers who want to contribute to this review. In addition, the report represents a perfect starting point for researchers who want to engage in research in post-Soviet integration; and who would like to be guided by the experience of an entire generation of scientists, and to avoid their mistakes.

*Eugeny Vinokurov,
Director of the EDB Centre for Integration Studies*

Studies of Regional Integration in the CIS and in Central Asia: A Literature Survey*

by Alexander Libman,
Frankfurt School of Finance & Management,
Russian Academy of Sciences
and East China Normal University

1. Introduction

The collapse of the USSR was the starting point for a multitude of projects aimed at creating a new framework of cooperation among the former Soviet Union (FSU) republics, which had become independent states. The last twenty years has witnessed a significant number of initiatives in the region. These include: the Commonwealth of Independent States (CIS); the Eurasian Economic Community (EurAsEC); the Collective Security Treaty Organization (CSTO); the Union State of Russia and Belarus (USRB); the Single Economic Space (SES), which has never been implemented; the Customs Union of the EurAsEC (CU), which is currently active; and also a number of regional unions in Central Asia. Several of these initiatives, most notably the CIS, are in fact not a single project but a hub of multiple agreements with diverse membership.¹ A number of regional integration and cooperation agreements, such as the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and Central Asian Regional Economic Cooperation (CAREC), go beyond the borders of the former Soviet Union; they include a number of other countries particularly China.² The links between the FSU states are not limited to formal integration agreements. There is a lot of activity occurring at the micro-level, based on the interaction of business groups and households, trade, investments and migration, as well as the dissipation of ideas and knowledge.

* I appreciate the very helpful comments of Evgeny Vinokurov and Mikhail Golovnin. All mistakes, however, remain my own.

¹ See Libman, A. (2011) Commonwealth of Independent States and Eurasian Economic Community. Paper prepared for: The Democratization of International Organizations. First International Democracy Report 2011, edited by G. Finizio, L. Levi and N. Vallinoto, Centre for Studies on Federalism

² For details, see Libman, A. (2006) Vzaimodeistvie Stran SNG s Aziatskimi Integracionnymi Gruppirovkami. MPRA Working Paper No. 16620

The aim of this paper is to provide a survey of the academic studies of these diverse integration processes. The survey includes the papers published in the global academic community,³ and also in the Russian-language scholarly community. This division is necessary for two reasons. First, the attention to post-Soviet regionalism and the conclusions regarding its development seem to diverge significantly between the global academia and the Russian academia. Second, there is very little communication between these two communities. In some ways the communication is even less than in many other areas of studies of Russia and Eurasian countries, where at least several Russian scholars are well integrated into the international community.⁴ As in any survey, this paper will hardly be able to cover each and every contribution in the field that deserves consideration and it will be probably biased by my research preferences. However, it should concentrate at least on the key papers and their results. The main focus is not to report on the specific empirical findings, which are extremely scarce as I will show. Instead it will assess the 'informal' scholarly consensus on the perspectives and development of regional integration, which most of the papers seem to share. I will also attempt to trace the changes in interest to regional integration, and the key research centers in this area; though, once again, the usual caveat of possible selectivity applies.

2. Russian studies of post-Soviet integration

2.1. Key research centers and areas

In Russia, attention to post-Soviet integration in the scholarly community has been, at least on paper, quite substantial. Key Russian academic journals continue publishing a great number of papers devoted to the topic including: *Voprosy Ekonomiki*, *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, *Obshchestvo i Ekonomika*, *Rossiia v Sovremennom Mire*, *Prostranstvennaya Ekonomika*, *POLIS*, among others. Some journals are devoted specifically to the topic of post-Soviet regionalism. These include *Rossiia i Novye Gosudarstva Evrazii* and *Evraziyskaya Ekonomicheskaya Integraciya*, which is actually published in Kazakhstan, but in Russian. An even larger number of papers can be found in regional and university journals published by most Russian academic institutions; but they enjoy very small readership.

The number of research groups specifically concentrating their attention on the topic has been substantial as well. It includes, within the Russian Academy of Sciences, the Department of International Economic and Political Studies of the Institute of Economics. Originally this organization was known as the Institute of Economy of the World Socialist System, and it devoted its attention to the studies of the Socialist countries. After the collapse of the Warsaw pact and the Council for Mutual Economic Assistance, the Institute changed its focus, covering the post-Soviet countries as well. In fact, the transition from the analysis of the Socialist countries to the post-Soviet region was not unusual in Russian academia in the first years after the reforms. This has also been the path of the Institute of Foreign Economic

³ I use this term to refer to scholars publishing primarily in English, often in international peer-reviewed journals and with international publishers. The reason for this designation instead of the sometimes used 'Western' studies is to acknowledge its truly international nature. In fact today some Russian social scientists contribute to both international and internal discussion; though the level of integration of Russia in the global community remains limited. For a general overview of the transformation of the traditional Russian Studies discipline see *Russian Analytical Digest*, no. 94, 28 March 2011. One should also point out that there are many areas where 'Russian' studies of Russia and the FSU are far less advanced and informed than the 'non-Russian' studies; particularly, because of strong methodological deficits of Russian scholars (ideological biases are, unfortunately, typical for both sides). In some cases the attribution of scholars, who publish in both Russian and English is a non-trivial task; this should be acknowledged as a caveat to the literature review below.

⁴ I should point out that the paper will not cover the academic research on post-Soviet integration in other post-Soviet countries, although in Ukraine, Kazakhstan and Belarus there has been a substantial number of papers published on this topic. I will cite them occasionally, but do not pretend to provide a comprehensive survey of debates in these literatures.

2. Russian studies of post-Soviet integration

Research, which was merged with the Department in the mid-2000s. The Department is now a unique center of expert knowledge, with the faculty comprised of a number of scholars regularly monitoring the international economic and political relations in the FSU, and the internal processes in the post-Soviet countries.

A number of research groups and centers dealing with post-Soviet integration exist in other institutes of the Russian Academy of Sciences, as well as in the universities. They are, however, much smaller than the Department of the Institute of Economics in terms of staff. The universities in Russia traditionally play a much smaller role in terms of research and are concentrated on teaching. The Moscow State Institute for International Affairs includes a Center for Post-Soviet Studies. The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences has established a Center for Evolutionary Processes in Post-Soviet Space; until recently it was directed by Dmitriy Furman, one of the leading experts in the field of political transformation in the FSU. It has also established a Center on Mediterranean and Black Sea Studies, which pays special attention to the Black Sea and Caspian Sea region. The Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences publishes a regular journal on '*Russia and New States of Eurasia*'. It is devoted to the evolution of the countries of the region. The Russian State University of Humanities (RGGU) includes a Department of Post-Soviet Countries; and the Historical Faculty of the Moscow State University established an Information Center on the Studies of Social and Political Process in the Post-Soviet Space. The Institute of Asian and African Countries of the Moscow State University includes a Center for Studies on Central Asia and Caucasus. The Central Asian Research Center of the Institute for Oriental Studies also lists the development of post-Soviet integration groups as part of its research agenda.

There are at least four organizations and research initiatives outside of the domain of the public universities and academic institutes that should also be mentioned. The Institute of the CIS Countries was established in 1996 as a think tank dealing with the region. The organization has very clear partisan preferences, and should be described as an analytical group supporting a particular political agenda, rather than as an independent research centre. The Eurasia Heritage Foundation established in 2004 is now an important center supporting and implementing projects in the area of studies of post-Soviet countries and post-Soviet integration. The Eurasian Development Bank is an international organization with its headquarters in Almaty, and with Russia as its majority stakeholder. It has successfully established itself as an important research center, publishing a quarterly journal on '*Eurasian Economic Integration*' in Russian, and an annual '*EDB Eurasian Integration Yearbook*' in English, containing the translations of the most interesting Russian-language contributions, as well as original articles.⁵ In 2011 the Bank established its Center for Integration Studies in St. Petersburg, which intends to become a hub of research on post-Soviet economic integration. Lastly, the Eurasian Monitor is not a research organization, but a system of regular opinion polls implemented in the FSU countries. The polls serve as a unique source of information on public opinion changes in the FSU, including opinion on post-Soviet integration.

⁵ Thus, EDB aims to close the gap between the Russian-language and international academia. Whether this attempt is going to be successful is not clear. On the one hand, the translations of Russian academic papers published by ME Sharpe (*Problems of Economic Transition, Russian Politics and Law and Russian Social Science Review*), as well as by EastView (*Social Sciences, International Affairs*) and by Pleiades Publishing (*Studies on Russian Economic Development*) have so far attracted very limited attention of the scholarly community. On the other hand, the EDB Yearbook is much more specialized than these general-interest journals, thus possibly covering an unexplored market niche. Overall, as of now, EDB seems to be the *only* center in the FSU clearly attempting, although probably not always successfully, to study the post-Soviet regionalism based on high international methodological standards.

2.2. The 'average post-Soviet integration paper'

In terms of substance, however, the contribution of Russian academia to the understanding of the regional integration processes in the FSU has been so far, generally speaking, quite modest. To start with, as it is very typical for the Russian academic publications overall, most of the papers published on the topic are purely descriptive: they merely list the regional integration agreements and describe their design, or summarize the key investment projects implemented in the region, or report the main statements made by politicians regarding the FSU regionalism. This 'average post-Soviet integration paper' has therefore a rather weak theoretical foundation; it is often full of descriptive statistics, but almost never contains original research (e.g. interviews, detailed case studies, or econometric analysis). This type of publication, however, very often follows a similar pattern of reasoning, represented by a number of standard assumptions, which, in fact, are rarely subject to any debate at all and are assumed to be self-evident.

- Post-Soviet integration is considered to be either beneficial for all countries or at least important for Russian economic development. A typical explanation is either 'international experience' (i.e. the claim that 'regionalism is on the rise' worldwide) or the presence of past economic linkages between the countries. The focus is clearly on the economic benefits.
- The key channel of development of the post-Soviet regionalism should be a project 'mimicking' the European Union, and possibly following the same development pattern as the EU. In the ideal case the post-Soviet space ought to form a specific version of the 'Eurasian EU' with strong supranational institutions, developed customs union or even monetary union.
- The main reason for the failure of this initiative is the 'lack of political willpower': governments of the FSU countries are unable to realize their gain and to promote regional integration. The lack of political willpower is assumed to be exogenously given. Sometimes it is discussed in the context of both nation-building in the new independent states, and the economic asymmetry between Russia and other countries; although the lack of willpower is attributed to the Russian policy as well.
- Sometimes a fourth claim is added, which is that the failure of regionalism in the FSU is due to political pressure from Western countries. The expansion of post-Soviet regionalism is treated as an example of Russia's regional control strategies, ultimately beneficial for all FSU states. This is also always assumed, but never discussed.

Numerous papers of this type are written and published by researchers of the Russian Academy of Sciences, and much more often by university lecturers. Many of them are strongly normative. They concentrate their attention on justifying, one more time, the need to promote post-Soviet integration.

The reasons for the papers having this style are straightforward, if one looks at Russian academia. First, the knowledge of modern research tools and theories in the Russian scholarly community is relatively limited. This has been reported for economics in general⁶ and sub-domains of economics in particular.⁷ Second, Russian academic research is much more focused on providing 'normative conclusions' than is typical for international academia. The reasons may be connected to the Soviet past, when a large portion of Russian scholars were, in fact, economic and political advisors to the government rather than academic researchers. Third, a large part of Russian academia is concerned not with academic research as such, but with the search for identity. This is often used to restrict the penetration of modern theories and research methods.⁸ This combination creates

⁶ See Muravyev, A. (2011) O Rossiyskoy Ekonomicheskoy Nauke Skvoz' Prizmu Publikatsiy Rossiyskikh Uchenykh v Otechestvennykh i Zarubezhnykh Zhurnalakh za 2000–2009 gg. Graduate School of Management of the St. Petersburg State University Research Report No. 1 (R) — 2011

⁷ See Lokshin, M. (2009) A Survey of Poverty Research in Russia: Does it Follow the Scientific Method? *Economic Systems* 33 (3)

⁸ See Morozov, V. (2011) Vezdesushchaya Identichnost: Rossiyskaya Politicheskaya Nauka Pered Litsom Zapadnoi Gegemonii. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost'* (3)

2. Russian studies of post-Soviet integration

optimal conditions for the proliferation of descriptive and inherently normative research, as is observed in the post-Soviet integration studies. In some sense, the situation is even worse in this area than elsewhere. A large portion of the Russian scholarly community has considered post-Soviet regionalism a 'dead end' in the economic and political development of Russia. This is either from the normative perspective, where the focus is on integration in the global economy rather than on maintaining old Soviet ties; or from the positive perspective, where the actual results of post-Soviet regionalism have been very limited. This group coincides with the set of researchers more active in acquiring knowledge of modern research techniques. Post-Soviet integration has therefore mostly remained the domain of 'traditional' Russian academia, with the negative consequences outlined above. The situation was particularly pronounced before the 'orange revolution' in Ukraine in 2004, when only a handful of Russian researchers were actively monitoring the development of the post-Soviet space; and the 'average post-Soviet integration paper' had an absolute dominance in Russian academia. However, after 2004 the attention to the FSU increased dramatically.

The key problem with the 'average post-Soviet integration paper' is that its four assumptions are, in some sense, removing the most interesting areas of possible investigation from the radar of the researcher. First, it is interesting to assess the actual presence of any beneficial effects of post-Soviet regionalism. It cannot be automatically justified by the fact that there is a trend towards integration in other parts of the world, or by the presence of very often inefficient past economic ties. Second, the assumption that FSU regionalism fails only because of the deficit of political will is too simplified. In fact, the reasons for both the failure and persistence of post-Soviet regionalism is, in some sense, the most interesting research question associated with post-Soviet regional integration. Third, the claim that EU-like regionalism is the 'natural' way for regional integration in the FSU masks the really important question of 'alternative' paths of regional integration worldwide. Currently one can take the uniqueness of the EU as an established fact, which lies beyond the growing field of comparative regional integration studies.

The 'average post-Soviet integration paper' has been criticized by a number of prominent Russian scholars, who offered several insightful contributions to the topic. Yuri Shishkov is one of the leading Russian researchers in the field of regional economic integration. In a number of his papers, published throughout the last two decades, he points out that any form of post-Soviet regionalism is impossible because of the low level of economic development of the member countries; and, specifically, the limited role of the machine building industries.⁹ From the political science perspective, Dmitriy Furman in a number of insightful papers places post-Soviet regionalism in the context of the gradual collapse of the Russian Empire, stabilized for yet another seventy years by the USSR. Under these premises, post-Soviet regionalism also appears to be a meaningless endeavor.¹⁰ Svyatoslav Kaspe in a recent paper even compares the post-Soviet space with the «barbaric» kingdoms of post-Roman Europe in the 6–9 centuries AD, describing them as «looking for empire» in the sense of an external «legitimacy source».¹¹ Nevertheless, the average paper remains quantitatively dominant in the Russian-language scholarly publications.

⁹ See e.g. Shishkov, Yu. (2007) SNG: Poltora Desyatletiya Tshetnykh Usiliy. *Voprosy Ekonomiki* (4); Shishkov, Yu. (1996) Sud'ba Britanskogo Sotrudnichestva Nacyi: Vospominanie o Budushchem SNG. *Obshchestvennye Nauki I Sovremennost'* (3); Shishkov, Yu. (2008) Kooperirovanue v Mashinostroenii Stran SNG. *Evraziyskaya Ekonomicheskaya Integraciya* (1); Shishkov, Yu. (2001) Rossiya i SNG: Neudavshiysya Brak po Raschyetu. *Pro et Contra* 6 (1-2)

¹⁰ See Furman, D. (2005) Ot Rossiyskoi Imperii do Padeniya SNG. Public Lecture at Polit.Ru; Furman, D. (1996) O Budushchem Postsovetskogo Prostranstva. *Svobodnaya Mysl* (6)

¹¹ See Kaspe, S. (2008) Sotrudzhestvo Varvaskikh Korolevstv: Nezavisimye Gosudarstva v Poiskakh Imperii. *Politiya* (1). The importance of the Soviet heritage for the current regional integration projects in the FSU and relations between FSU countries has been pointed out by Fi Filippov, A. (1995) Smysl Imperii: K Sociologii Politicheskogo Prostranstva, in: Chernyshev, S. (ed) *Inoe: Hrestomatiya Novogo Rossiiskogo Samosoznaniya*. Moscow, and Blyakher, Leonid (2008) Vozmozhen Li Postimperskiy Proekt: Ot Vsaimnykh Preternsiy k Obshemu Budushemu. *Politiya* (1)

2.3. Alternatives to the 'average post-Soviet integration paper'

While the 'average post-Soviet integration paper' dominates the Russian-language journal publications on the topic, it does not cover the entire scholarly research and academic debates in this field. There are three main alternatives to this approach, which can be observed in economics and in political science. First, there is growing empirical and theoretical literature on post-Soviet integration, which concentrates primarily on understanding the interaction at the micro-level. Second, a persistent topic of debate is still the relation of post-Soviet integration with the overall external foreign policy of Russia. The policy is much more diverse than the 'average post-Soviet integration paper' would have readers assume. Third, there seems to be an increasing interest in putting post-Soviet integration 'in the context' of the Eurasian and European integration initiatives, as well as discussion of 'open regionalism'. There are also a number of papers that attempt a more detailed and methodologically sophisticated normative analysis than what is usually done in the 'average paper' approach.

2.3.1. Post-Soviet integration and foreign policy: The first area where the discussion of post-Soviet integration departs significantly from the 'average paper' is that of international relations and political science. In this case post-Soviet integration is considered as one of the aspects of Russia's foreign policy, including international economic relations, rather than as an independent field of research. The discussions of this literature are also rarely rooted in a well-developed theory, and are rarely supported by explicit empirical research. They are also strongly influenced by ideological preferences. Nevertheless, many observations made within this framework are of clear interest for the students of post-Soviet integration. Furthermore, the 'average post-Soviet integration paper' is not really discursive in nature; the key assumptions, which are considered to be self-evident, immediately guide the author to the only conclusion possible. The discussion of the place of post-Soviet integration in Russian foreign policy summarized in this sub-section is, on the contrary, highly discursive and full of contradictions.

Probably, the best typology of this type of analysis is found in the paper of Tsygankov,¹² who identifies five 'schools of geopolitical thinking': expansionists, civilizationists, stabilizers, geo-economists and Westernizers. The Westernizers are rather sceptical with respect to the future of post-Soviet integration in any form. The title of Dmitry Trenin's book, *The End of Eurasia*,¹³ is representative for this type of analysis. The post-Soviet space is considered a 'disappearing reality', where individual countries are likely to go their own way in the long term; while in some cases cooperation with Russia will be maintained, in others it will disappear. However, relations with the FSU, in spite of their acknowledged importance, are claimed to be less crucial than relations with Western countries. The geo-economists and stabilizers are less convinced about the long-term disappearance of the region. They point out the need for a coherent Russian strategy for the FSU. This is either in terms of economic linkages (geo-economists), or in terms of mutual security balance (stabilizers). In fact, these three schools seem to cover the entire *academic* spectrum of debate. The two remaining schools, described by Tsygankov, are linked to non-academic researchers; although one should point out that they also have a significant influence in academia. The civilizationists view the post-Soviet space (which is in their minds, probably, linked to the Eastern Slavic states) as a region sharing a common and distinct civilization, which should protect its historical territory and uniqueness. The expansionists consider the FSU as the first step in the global quest for power for Russia.

This typology represents a development of an old distinction between the 'eurasianists' and the

¹² Tsygankov, A. P. (2003) Mastering Space in Eurasia: Russia's Geopolitical Thinking after the Soviet Break-Up. *Communist and Post-Communist Studies* 36 (1)

¹³ See Trenin, D. (2002) *The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization*. Wash.: Carnegie Center

2. Russian studies of post-Soviet integration

'atlantists' in the Russian political thinking, and should be treated (as well as multiple other typologies of the same kind) with a lot of caution — the very existence of the 'atlantist' approach is questionable. The scientific quality of these debates is rightly considered as questionable: often ideological and identity-seeking aspects seem to be more important than methodological and analytical rigor.¹⁴ But there are at least some *debates* in this area — unlike the 'average paper' approach ultimately killing the very opportunity for discussion.

2.3.2. Integration at the micro-level: The second array of papers moves away from considering regional integration from a purely normative perspective. It focuses on a field where post-Soviet countries actually seem to have achieved at least a certain level of progress in the area of regional integration. This is the development of regionalization, such as the expansion of Russian multinationals or growing international migration. This focus has two main advantages as opposed to the 'average paper'. First, it is much more empirical. Our knowledge regarding the process of regionalization is limited, and therefore it requires thorough investigation of empirical facts. Poor availability of quantitative data (e.g. information on FDI is entirely unreliable) makes it necessary to use the qualitative indicators, which are based mostly on media reports and corporate websites. Second, for this literature it is less important to be strictly normative as it would be for the 'average paper'. The key question is not the perspectives of post-Soviet integration, but rather the dynamics of economic linkages in the post-Soviet space. Nevertheless, a substantial part of this literature discusses the opportunities associated with regionalization in the FSU as opposed to EU-like regionalism. Regionalization can therefore be considered to be a more realistic and adequate strategy for the post-Soviet specifics. This idea is not new for the Russian-language academic literature.¹⁵ In the mid-1990s there existed substantial literature empathizing the role of the so-called transnational financial-industrial groups (TFPG) as instruments of post-Soviet integration; however, it has been purely normative¹⁶. While a number of TFPG have been established, their contribution to actual integration has been minor.

Empirical papers have been published in the past that concentrated their attention on the actual interdependencies, rather than on the normative analysis of top-down linkages.¹⁷ However, during recent years there has been a substantial growth of research in this field, reflecting the actual growth of the micro-level linkages between the post-Soviet countries. First, there has been skyrocketing number of studies investigating foreign direct investments implemented by Russian, and partly by Kazakhstani companies, and the possible obstacles and consequences of this mode of 'corporate integration' in the FSU;¹⁸ as well as interaction in particular sectors, such as banking and finan-

¹⁴ Morozov, Op.cit.

¹⁵ See Kheyfets, B. (1989) *Novaya Model' Integratsionnogo Sotrudnichestva Stran SEV*. Moscow: SEV, for one of the first examples of this type of analysis.

¹⁶ See Lenskiy, E. V., and V. A. Tsvetkov (1998) *Transnatsional'nye Finansovo-Promyshlennyye Gruppy i Mezghosudarstvennaya Ekonomicheskaya Integratsiya*. Moscow: Ekonomika i Zhizn, as well as further publications of these authors

¹⁷ A good example of early studies of the economic linkages on the micro-level, along with 'standard post-Soviet integration papers' can be found in the semi-regular edited volumes of the *Problemy Postsovetsskikh Stran* series, published by the Department for International Economic and Political Studies

¹⁸ The main contributions in this area have been published by Boris Kheyfets from the Institute of Economics RAS, who in a number of papers discusses the potential of regionalization as the key tool of regional integration in the FSU. Some examples of further studies in this field include: Libman, A., and B. Kheyfets (2006) *Ecspansiya Rossiyskogo Kapitala v Strany SNG*. Moscow: Ekonomika; Kuznetsov, A. (2007) *Internatsionalizatsiya Rossiyskoy Ekonomiki: Investitsionnyi Aspekt*. Moscow: URSS, Kheyfets, B., and A. Libman (2008) *Korporativnaya Integratsiya: Al'ternativa Dlya Postsovetsskogo Prostranstva*. Moscow: Librokom; Kheyfets, B. (2001) *Vzaimnye Investitsii v SNG*. *Ekonomist* (8); Barkovskiy, A., and N. Ushakova (2001) *Vzaimodeistvie Predprinimatel'skikh Struktur Stran SNG*. *Problemy Prognozirovaniya* (2); Kuz'mina, E. (2008) *Ekonomicheskie Pozitsii Rossii v Central'no-Aziatskom Regione: Puti Ukrepleniya v Usloviyakh Global'noi Konkurencii*. Moscow: IE RAS; Kheyfets, B. (2011) *Rossiyskiy Biznes v Stranakh EvrazES: Modernizatsionnyi Aspekt*. Moscow: Ekonomika. A set of important papers were published by Aleksei Kuznetsov from the Institute of World Economy and International Relations RAS, who deals primarily with the dynamics of Russian multinationals, and also covers their role in the FSU, which, however, does not constitute the main field of their research.

cial markets,¹⁹ nuclear power,²⁰ agriculture, telecommunications etc.²¹ The research in this field is carried out by both academic and non-academic research groups.²² Second, a field attracting more and more attention is post-Soviet labor migration. This has also become an important issue of domestic political discussions in several post-Soviet countries.²³ The research on migration, at present, is also the most 'advanced' area of post-Soviet integration studies from the methodological point of view. As the quality of data in this case is very bad, substantial work is done by sociologists studying particular migrants' communities. This is substantially different to other literatures that rely mostly on secondary data. Third, an extremely important area of research is related to the role of sub-national units in post-Soviet economic integration, and the variety of their strategies.²⁴ A number of recent studies investigated the consequences of the economic crisis 2008–2010 for post-Soviet regionalization.²⁵ The contributions of this empirical literature could probably be most interesting for 'outsiders', i.e. researchers who are not interested in post-Soviet integration in particular, but are engaged in the comparative analysis of regionalism, or studies of the external economies of the post-Soviet states. So far this interest has been to my knowledge very small.

The list of empirical studies should be complemented by a number of large-scale projects that provide background material in this area. One is the recently published System of Indicators of Eurasian Integration (SIEI), developed by the Eurasian Development Bank. It provides a comprehensive data set of the evolution of integration across the post-Soviet countries and country groups in five areas: trade, migration, agriculture, energy and educational services. It also covers a number of indicators of economic convergence of the post-Soviet states. The second project is the Eurasian Monitor. It implements a number of regular surveys dealing with post-Soviet integration in a broad set of countries, and provides regular detailed studies of individual topics that are relevant to regional integration. These surveys include, for example,

¹⁹ See Golovnin, M. (ed., 2010) *Vzaimodeistvie Finansovykh Sistem Stran SNG*. St. Petersburg: Aleteya; Vinokurov, E. (2009) *Vzaimnye Investitsii v Bankovskom Sektore SNG. Evraziyskaya Integratsiya* (2); Abalkina, A. (2008) *Predposylki i Perspektivy Bankovskoi Integratsii v Stranakh EvrazES. Evraziyskaya Ekonomicheskaya Integratsiya* (1); Mishina, V. (2010) *Integratsiya Finansovykh Rynkov i Vzaimodeistvie Birzh Stran SNG. Evraziyskaya Ekonomicheskaya Integratsiya* (2); Zakharov, A. V. (2002) *O Konceptsi Edinogo Valyutnogo Prostranstva Stran SNG*. Moscow: Yustitsinform, as well as other papers mostly of these four authors.

²⁰ Vinokurov, E. (2007) *Perspektivy Integratsii Atomno-Energeticheskikh Kompleksov Rossii i Kazakhstana v Kontekste Processov Ekonomicheskoi Integratsii. Atomnaya Strategiya* (6)

²¹ The regularly published reports of the Eurasian Development Bank provide detailed empirical information on the dynamics in particular areas. So far, in 2008–2011 EDB published 12 industry reports on: nuclear power, water, electricity, ecological problems, transportation, climate change, agriculture, space industry, telecommunications and stock exchange cooperation.

²² See e.g. RUSAL (2006) *Russkie Idut: Zarozhdenie Razvivayushikhsya Rossiyskikh Transnatsional'nykh Korporatsiy*. Moscow; SKOLKOVO (2008) *Rossiyskiy Biznes za Rubezhom: Dinamika Razvitiya*. Skolkovo; Deloitte (2008) *Rossiyskie Mezhdunarodnye Kompanii: Novye Igroki dlya Global'noi Ekonomiki*. Moscow

²³ See Reznikova, O. (2009) *Postsovet'skaya Trudovaya Migratsiya. Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, (3); Tyuryukanova, E. (2005) *Denezhnye Perevody Migrantov v Rossiyskom Kontekste. Pro et Contra* 9 (1); Ryazantsev, S. (2005) *Trudovaya Migratsiya v SNG: Tendentsii i Problemy Regulirovaniya. Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, (11); Ryazantsev, S. (2008) *Trudovaya Migratsiya v Rossii v Usloviyakh Integratsii v EvrazES. Vorposy Ekonomiki* (6); Ivakhnyuk, I. (2008) *Vliyaniye i Funksionirovaniye Evraziyskoi Migratsionnoi Sistemy*. Dr. Sc. Thesis, Moscow State University, among other authors. This literature probably represents the field where the link between the Russian and the international literature is present and strong, probably because here the demand for empirical data generated by Russian scholars is very large, but also the methodological sophistication of the Russian researchers is substantial. Thus, it is not rare that Russian scholars studying migration in the FSU publish internationally, see for example Ioffe, G., and Z. Zayonchkovskaya (2010) *Immigration to Russia: Inevitability and Prospective Inflows. Eurasian Geography and Economics* 51 (1)

²⁴ See: Vardomskiy, L. (2008) *Prigranichnoe Sotrudnichestvo na Novykh i Starykh Granitsakh Rossii. Evraziyskaya Ekonomicheskaya Integratsiya* (1); Vardomskiy, L. (2009) *Rossiyskoe Porubezhie v Usloviyakh Globalizatsii*. Moscow: Librokom; Zabello, Ya., and A. Sobyanin (2001) *Regiony Rossii v Kazakhstane i Srednei Azii: Pravila Effektivnogo Sotrudnichestva*. Mimeo

²⁵ One has to mention a set of papers published by Mikhail Golovnin, Darya Ushkalova and Aleksandra Yakusheva, as well as by the author of this survey in *EDB Eurasian Integration Yearbook* 2011; as well as Kurmanalieva, E., and E. Vinokurov (2011) *Trends in Post-Crisis Capital Flows in the CIS. Euromoney Emerging Markets Handbook* 2011/12, forthcoming; Yudaeva, K., and K. Kozlov (2010) *SNG 2009: Polnyi Nabor Krizisnykh Stsenariyev*. Moscow: Center for the Macroeconomic Studies of Sberbank.

2. Russian studies of post-Soviet integration

the importance of the Russian language in the FSU (there was a related project of the *Eurasian Heritage Foundation* in 2008) and social integration in the post-Soviet states.²⁶ There are a number of quantitative studies dealing with various aspects of post-Soviet integration. The list of these papers is very short as the main focus has been on qualitative analysis due to the availability of data. However, there are papers providing quantitative analysis of trade in the FSU²⁷, including foreign trade prices,²⁸ and of the institutional convergence across the post-Soviet countries.²⁹

2.3.3. Open regionalism, Eurasian integration and normative analysis of regionalism: The weakness of the formal institutions of post-Soviet integration is in attempting to create the 'Eurasian EU', which, as discussed, has been the implicit assumption of the 'average papers'. It calls for adjustments in the normative analysis of post-Soviet regionalism as well. In fact, in past years there have been a number of papers dealing with this issue, and focusing on providing alternative solutions to the problem. There are two lines of development that are relevant in this context. The first can be referred to as 'open regionalism'.³⁰ This is not the same as the 'open regionalism' in East Asia, which concentrated on non-discriminatory trade blocs. In the post-Soviet context 'open regionalism' is primarily an attempt to firstly, reduce the ambitions of the post-Soviet countries; this done by focusing on more realistic low-level cooperation without creating strong supranational institutions. Secondly, to point out the opportunity to use multiple regional integration structures with diverse, but partly overlapping membership to pursue a multi-vector international economic policy, which takes the heterogeneity of interests and countries in the post-Soviet region into account. The already cited work of Boris Kheyfets (pointing out the advantages of the regional economic integration on the micro-level), as well as numerous insightful papers of Lidiya Kosikova on the optimal design of the post-Soviet regionalism³¹ are particularly important and interesting in this respect.³²

The second line of reasoning is associated with what one could call a movement from post-Soviet to Eurasian integration. The idea has been discussed in various contexts and from various methodo-

²⁶ The analysis of public perception of the post-Soviet regionalism and of the divergence of public opinion in the FSU countries has been offered in a number of further papers, e.g. Kertman, G. L. (2005) SNG — Mezhdunarodnyy i Nastoyashiy. *POLIS* (6); Balackiy, E. (2005) Social'naya Geterogenost' Edinogo Ekonomicheskogo Prostranstva. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya* (2). Ekaterina Furman offers a number of interesting contributions on the comparative analysis of public opinion on and public support of the EU and the CIS, see Furman, E. (2007) Ideya Integratsii v ES i SNG: Social'naya Baza i Alternativy. *Sovremennaya Evropa* (2); Furman, E. (2006) ES i SNG: Integratsiya i Ee Podderzhka Naseleniem. *Svobodnaya Mysl'* (7-8)

²⁷ In this context, one has to mention the work of Irina Gurova: See Gurova, I. (2009) Regional'naia Torgovlya i Torgovaya Integratsiya v SNG. *Evraziyskaya Ekonomicheskaya Integratsiya* (2); Gurova, I. (2010) Regional'naia Torgovlya SNG: Mekhanizm Tyagoteniya. *Mezhdunarodnaya Ekonomika* (3); Gurova, I., and M. Efremova (2010) Potentsial Regional'noi Torgovli Stran SNG. *Voprosy Ekonomiki* (7)

²⁸ See Savin, V. A. (1999) Eksportno-Importnye Tseny v Torgovle Rossii s Raznymi Gruppami Stran (SNG i Dal'nee Zarubezhnye). *Marketing v Rossii i za Rubezhom* (4)

²⁹ See Libman, A. (2006) Rol' Ekonomicheskoi Integratsii i Dezintegratsii na Postsovet'skom Prostranstve: Kolichestvennyi Analiz. *Problemy Prognozirovaniya* (5)

³⁰ See: Kosikova, L. (2010) Na Vsekh Parusakh. *Pryamye Investitsii* (2) it is an interesting typology of recent work on post-Soviet regional integration. It explicitly points out the 'open regionalism' option.

³¹ See e.g. Kosikova, L. (2008) Integratsionnye Proekty Rossii na Postsovet'skom Prostranstve: Idei i Praktika. Moscow: IERAS; Kosikova, L. (2010) Problemy Konsolidatsii Sodruzhestva vokrug Rossii v Usloviyakh Vnutrennei Neodnorodnosti Regiona SNG, in: Grinberg, R. (ed.) *Izbrannyye Statyi 2005–2009 gg.* Moscow: Ekonomika; Kosikova, L. (2010) Ekonomicheskaya Politika Rossii na Postsovet'skom Prostranstve: Evolyutsiya Podkhodov, Rezul'taty, Problemy. Moscow: IERAS. The work of Kosikova should be pointed out as an excellent reference for the surveys of the historical evolution of the post-Soviet regionalism, see e.g. Kosikova, L. (2008) Itogi Pyatnadtsatiletnego Razvitiya Gosudarstv SNG i Ikh Vzaimnogo Sotrudnichestva. *Kontinent Partnerstva* (5); Kosikova, L. (2004) Nesostoyavshaysya Integratsiya, ili Pochemu Rossii ne Udalos' Ob'edinit' Strany SNG. *Mir Peremen* (1); Kosikova, L. (2010) Ekonomicheskaya Politika Rossii v Postsovet'skom Regione (Retroanaliz, Otsenka Itogov, Predlozheniya). *Rossiyskiy Ekonomicheskii Zhurnal* (2) and (3)

³² Among other contributions, one should point out Issue 7 of the *Problemy Postsovet'skikh Stran* series published in 2005 and concentrating on the bilateral cooperation in the FSU as an alternative to the less successful multilateral regionalism.

logical, theoretical and ideological viewpoints.³³ The key argument is that post-Soviet integration should not be treated as a 'separate entity'; on the contrary, it should be integrated in the context of the multiple regional integration projects and economic linkages emerging in Eurasia. In particular, post-Soviet integration should not be considered as a 'competitor' of European regionalism. This is an assumption usually made in the 'average regional integration' papers and also by Russian politicians. It should be designed in a way compatible with the European integration vector pursued by many post-Soviet countries.³⁴ In Asia, on the other hand, it is crucial to ensure China's participation in the regional integration initiatives; as the Chinese role in Central Asia is gradually increasing.

Another departure from the 'average post-Soviet regional integration' paper is based on a more detailed normative analysis of post-Soviet regionalism. Unlike the approach of the 'average' papers, which *assume* the need for the post-Soviet integration, several recent contributions attempt to *prove* that regional integration in the FSU is attractive in a particular setting. The avenues for the analysis used by various researchers also differ. In the work of Leon Zevin the key arguments are linked to the size and density of the economic space in the FSU as opposed to individual countries.³⁵ The group of Feliks Klotstvov in the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences attempts to evaluate the economic impact of various scenarios of post-Soviet regionalism looking at the input-output matrices of the FSU countries.³⁶ In the Gaidar Institute of Economic Policy a number of papers investigate the potential of the currency union in the FSU.³⁷ The establishment of the Customs Union resulted in a wave of new projects dealing with the potential economic effects of post-Soviet integration.³⁸

2.3.4. Further approaches: As a final note, one should point out a number of further contributions to post-Soviet regional integration studies in Russia. These attempt to look at it from a perspective different from the 'average post-Soviet integration paper', and do not fit into three lines of research described above. Here one should point out the work of Marina Sterzhneva on the comparative analysis of institutions of the CIS and the EU,³⁹ and of Vladimir Evstigneev on the semantics of post-Soviet integration and the role of regionalism as a tool of protection of quasi-monopolies.⁴⁰ Unlike the majority of papers on this topic both studies are published in the FSU. They are extremely interesting and heavily theory-based; unfortunately, they seem to have a rather limited impact on the way Russian scholars theorize about post-Soviet integration. This is a very serious drawback for this literature.

Summing up, in spite of the dominance of the 'average post-Soviet integration paper' approach, the Russian scholarly community has recently provided a number of important and interesting contributions to the studies of post-Soviet integration. Regional integration in the FSU remains an important field of research among Russian academics.

3. International studies of post-Soviet integration

³³ See Vinokurov, E. (2010) Ot Postsovetiskoi k Evraziyskoy Integratsii. *Evrasiyskaya Ekonomicheskaya Integratsiya* (3); Bykov, A. (2009) *Postsovetiskoe Prostranstvo: Strategii Integratsii i Noveye Vyzovy Globalizatsii*. St. Petersburg: Aletaya

³⁴ See Chernyshov, S. (2010) Na Puti k Edinoi Evrazii. *Rossiia v Global'noi Politike* (3); Spartak, A. N. (2011) *Evrasiyskaya Perspektiva Postsovetiskoi Integratsii. Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Assotsiatsii* (11)

³⁵ See Zevin, L. (2009) Vektory Vneshneekonomicheskoi Politiki Rossii. *Voprosy Ekonomiki* (10)

³⁶ See e.g. Klotstvov, F., Sukhotin, A., and L. Chernova (2008) Modelirovanie i Prognozirovaniye EEP Rossii, Belarusi, Kazakhstana i Ukrainy. *Problemy Prognozirovaniya* (2)

³⁷ See Drobyshevskiy, S., and D. Polevoi (2004) *Problemy Sozdaniya Edinoi Valyutnoi Zony v Stranakh SNG*. Moscow: IEPP

³⁸ See Mutinyan, V. I. (2011) Ob Integratsii Ukrainy v Tsifrah. *Evrasiyskaya Ekonomicheskaya Integratsiya* (3); Tochitskaya, I. (2010) The Customs Union between Belarus, Kazakhstan and Russia: An Overview of Economic Implications for Belarus. GET IPM Policy Paper No. 2; Jandosov, Oraz, and Lyaziza Sabyrova (2011) Indicative Tariff Protection Level in Kazakhstan: Before and After Customs Union (Part I and Part II). RAKUSRS Center for Economic Analysis Discussion Papers No. 5.3 and 5.4

³⁹ See Sterzhneva, M. V. (1999) *Evropeiskiy Soyuz i SNG: Sravnitel'nyi Analiz Institutov*. Moscow: MONF

⁴⁰ See Evstigneev, V. (1997) *Valyutno-Finansovaya Integratsiya v ES i SNG: Sravnitel'nyi Semanticheskii Analiz*. Moscow: Nauka; Evstigneev, V. (1999) *Tamozhennaya Integratsiya v SNG kak Primer Ekonomicheskogo Psevdomorfizma. Voprosy ekonomiki* (12)

3. International studies of post-Soviet integration

3.1. Post-Soviet integration: dynamics and perspectives

The situation is, however, very different if one considers the international scholarly community. First, the overall attention to post-Soviet regionalism is limited. Unlike Russian scholars, often driven by normative motivation, international researchers are more inclined towards a positive analysis. Therefore the 'non-existing' post-Soviet regional integration clearly attracted little attention. Even during the 'high period' of Russian studies in the West in the 1990s — when debate on economic and political transition received significant attention of leading economists and political scientists — post-Soviet integration remained a marginal research topic. Second, however, the analysis of FSU regionalism has been much more advanced in terms of methodology and, especially, theoretical foundation. Although the analogue to the a-theoretical 'average post-Soviet integration paper', with clear normative motivation, can be found in international academia as well, it is clearly not an 'average paper' but rather a 'marginal' contribution. One does not find many papers along these lines in the refereed journals. To our knowledge, there exist no research groups or centers systematically devoting their attention to the topic and functioning outside Russia; although there are individual researchers paying significant attention to the topic. There are several lines of investigation of post-Soviet regionalism, which differ significantly in terms of their methodological foundation and research objectives. They are rooted in different social sciences: economics, IR, political science or area studies.

Before I proceed to the discussion of more substantive and interesting contributions, it is probably helpful to introduce the 'Western variety' of the 'average post-Soviet integration paper'. Once again, this type of work does not really represent the 'average' publication on the topic. This is unlike Russia, probably, because of much higher barriers existing by international journals and publishers, preventing theoretically and empirically weak work from being published. It still seems to have a profound impact on the thinking of Western scholars on the topic, particularly, those engaged in Russian studies. In some sense, this 'average paper' is the mirror image of the Russian 'average paper', as it relies on a number of similar premises. As in the Russian case, it is accepted without any proof or with only very little scientific investigation. First, post-Soviet integration is considered to be unambiguously inefficient in terms of economic and political development of the member countries. There is no economic rationale behind it, as it merely contributes to the conservation of inefficient Soviet ties. Second, therefore, the only reason for the existence of post-Soviet regionalism is the political ambitions of Russia, attempting to restore its empire and to re-establish control over the FSU countries. Therefore, third, participation in post-Soviet integration precludes any integration with the European Union. In some sense, as the gauges of the post-Soviet and the European railways differ, so do the regional projects. Once again, three assumptions made in this literature are removing the really interesting questions from the discussion. First, the economic effects of the possible post-Soviet regionalism should be studied based on solid empirical and scientific evidence. Therefore, the perception of post-Soviet regionalism as a mere tool of Russian domination is problematic. Second, it is in fact not the case that Russia has been the most active player in the establishment of this type of integration links. Quite often Belarus or Kazakhstan has been pro-active, while Russia simply reacted on the changes in the FSU.⁴¹ Overall, the simplistic view of the FSU as an arena of contest between Russia and the West seems to be inherited from the Cold War stereotypes. They are not really productive for

⁴¹ There are cases when it was the *reluctance of Russia* to pursue regional integration, which prevented it from coming into existence: e.g. the Eurasian Union proposed by Nazarbaev in early 1990s or the pan-CIS FTA suggested by the Timshenko government instead of the Single Economic Space. One can argue that in both cases Russia's reluctance was well-informed and associated with significant institutional deficits of the projects. Nevertheless, it was not Russia that was generating new initiatives. Relations between Russia and Belarus provide yet another striking example of *both* countries suggesting new projects and then backing off.

modern scholarship. Third, the 'average paper' approach cannot explain the growing regionalization in the FSU, and the development of economic linkages on the micro-level. Therefore, as is the case with Russia, the most interesting contributions are outside this 'average paper' framework, and will be reviewed in the following sub-sections.

3.1.1. Post-Soviet trade: First, a relatively large literature in economics looks at the post-Soviet trade in terms of the gravity equation analysis. It attempts to find out the speed and the scope of economic and political fragmentation in the region. These studies mostly conclude that the post-Soviet countries still over-trade with each other.⁴² This is hardly surprising, if one looks at the overall evidence from the analysis of trade flows among the former colonies and the metropolitan powers, or between the states originally comprising a single political entity⁴³. There are certain similarities in the trade structure of the FSU states as opposed to the transition economies of Central and Eastern Europe; though there is also evidence of increasing diversification of geographical trade patterns.⁴⁴ While this literature usually does not make any explicit normative statements, the conclusions in most studies are indirectly quite dismal for FSU regionalism. The structure of trade of the post-Soviet countries is typically less advanced; the high stability of the post-Soviet trade is associated with the deficit of integration into the global economy. It is claimed that this is due to inefficient economic and political institutions.

3.1.2. Estimated economic effects of regionalism: The second strand of the literature explicitly looks at the possible economic effects of FSU regionalism. Here the international scholarly community is more diverse than the Russian researchers. Some researchers, who are focusing on the empirical analysis of regional integration, consider post-Soviet regionalism to be growth-enhancing. A substantial part of the global academic community is extremely sceptical regarding what FSU regionalism can actually achieve. The analysis in this case also remains relatively limited; there are very few detailed empirical studies. Constantine Michailopoulos and David Tarr investigate the possible static and dynamic effects of a customs union within the CIS framework, and come to negative conclusions.⁴⁵ On the other hand, deeper integration between the FSU and the EU is also not necessarily beneficial for all parties.⁴⁶ There are also papers which suggest that post-Soviet integration could potentially be beneficial for its members, contributing to the economic growth and development.⁴⁷ Overall, one could possibly conclude that more detailed analysis is required; the situation in the FSU states changes over time, as does the structure and the mem-

⁴² See Djankov, S., and C. Freund (2002) Trade Flows in the Former Soviet Union. *Journal of Comparative Economics* 30 (1); Fidrmuc, J., and J. Fidrmuc (2003) Disintegration and Trade. *Review of International Economics* 11 (5); De Sousa, J., and O. Lamotte (2007) Does Political Disintegration Lead to Trade Disintegration: Evidence from Transition Countries. *Economics of Transition* 15 (4); Babetskii, I., Babetskaia-Kukharchuk, O., and M. Raiser (2003) How deep is your trade? Transition and international integration in Eastern Europe and the former Soviet Union. Mimeo; Elborgh-Woytek, K. (2003) Of Openness and Distance: Trade Development in the Commonwealth of Independent States, 1993–2002. IMF Working Paper No. 03/207; Shelburne, R. C., and O. Pidufala (2006) Evolving Trade Patterns in the CIS: The Role of Manufacturing. UNECE Discussion Paper No. 2006.2; Shepotylo, O. (2009) Gravity with Zeros: Estimating Trade Potential of CIS Countries. KSE Discussion Paper No. 16; Havrylyshyn, O., and H. Al-Atrash (1998) Opening Up and Geographic Diversification of Trade in Transition Economies. IMF Working Paper No. 98/22; Djankov, S., and C. Freund (2002) New Borders: Evidence from the former Soviet Union. *Review of World Economics* 138 (3); Kurmanalieva, E., and E. Vinokurov (2011) Holding-Together or Falling Apart: Results of Gravity Equation of the CIS Trade. MPRA Working Paper No. 32003

⁴³ See a survey in: Frankel, J. (1997) *Regional Trading Blocs in the World Economic System*. Petersen Institute for International Economics

⁴⁴ See Broadman, H. G. (ed., 2005) *From Disintegration to Reintegration: Eastern Europe and the Former Soviet Union in International Trade*. World Bank

⁴⁵ Michailopoulos, C., and D. Tarr (1997) The Economics of the Customs Union in the Commonwealth of Independent States. World Bank Working Paper; cf. also: de Sousa, L. V. (2011) An Initial Estimation of the Economic Effects of the EurAsEC Customs Union on Its Members. *Economic Premise*, no. 47.

⁴⁶ See Sulamaa, Pekka, and Mika Widgren (2003) EU Enlargement and Beyond: A Simulation Study on EU and CIS Integration. CEPR Discussion Paper No. 2768

⁴⁷ Freinkman, L., Polyakov, E., and C. Revenco (2004) Trade Performance and Regional Integration of the CIS Countries. World Bank Working Paper No. 38

3. International studies of post-Soviet integration

bership of possible regional integration agreements. Once again, this literature is dominated by economists, but is extremely small. There are a number of studies that estimate the contribution of the collapse of the FSU to the extent of the transition recession, and find it to be substantial.⁴⁸

3.1.3. Heterogeneity and interdependence of the post-Soviet space: The third strand of literature investigates one of the probably most fundamental questions of post-Soviet regionalism: even assuming that international cooperation between post-Soviet countries could produce beneficial economic results, one still has to accurately ‘map’ the borders of the post-Soviet space. In other words: ‘why do we expect the group of FSU countries to form a coherent entity, which can be used as the basis for the regional integration?’ The question is not trivial, since the divergence of economic and political systems in the post-Soviet countries after the collapse of the FSU has been substantial.⁴⁹ Various papers also provide various answers to this question, which often depend upon the particular methodological focus chosen by the studies.

From the constructivist perspective, the region-ness of the post-Soviet space and its sub-regions is in flux; for instance, the papers of this group devote substantial attention to the region-ness of Central Asia.⁵⁰ As for the essentialist perspectives, there are two variations used for the analysis of the post-Soviet space. First, one can focus one’s attention on the *interdependencies* in the FSU. This type of studies is most notably rooted in the regional security complex theory. It often concludes that the FSU is still characterized by a very high level of interdependencies.⁵¹ Second, another approach suggests focusing on homogeneity of the FSU countries. Here, once again, the results deviate. There are those who concentrate their attention on the Soviet heritage, and thus on possible homogeneity of the region;⁵² and those who pay particular attention to the pre-Soviet legacies, and therefore usually conclude that the FSU consists of highly heterogeneous countries.⁵³ This literature has been heavily influenced by political science and international relations.

3.1.4. Positive analysis of the formal integration in the FSU: The fourth literature finally moves away from examining only the preconditions and the *possible* factors determining the evolution of the post-Soviet *institutional integration*; which is the dynamics of formal integration agreements like the CIS or the EurAsEC. In this case, however, the debates in the international literature are entirely different from those in the Russian academic publications. The major focus of attention of this literature is exactly the reasons for the failures and partial successes of post-Soviet regionalism. Usually, this literature is inherently comparative. It

⁴⁸ See Linn, J. F. (2004) Economic (Dis) organization Matters: The Soviet Collapse Revised. Mimeo; Bevan, A. A., Estrin, S., Hare, P. G., and J. Stern (2001) Extending the Economics of Disorganization. *Economics of Transition* 9 (1)

⁴⁹ The literature contains a number of typologies of post-Soviet political and economic development; in this context, one has to point out the following papers by Russian and international scholars: Grigoriev, L., and M. Salikov (2006) Virazhi Perekhodnogo Perioda. *Rossiya v Global'noi Politike* (6); Pistor, K., Raiser, M., and S. Gelfer (2000) Law and Finance in Transition Economies. *Economics of Transition* 8 (2); Barkovski, A. (ed., 2003) *Ekonomicheskie Strategii Stran SNG i Rossiya*. Moscow: RUDN; Furman, D. (2004) Divergentsiya Politicheskikh Sistem na Postsovetskom Prostranstve. *Svobodnaya Mysl* (10); Stykow, P. (2010) Die Wahl des Wahlsystems: Demokratische Regeln, undemokratische Wahlen. *Osteuropa* 60 (9); Makarkin, A. (2007) Nezavisimost ot Politicheskikh Reform v Stranakh SNG Prezident Prodolzhaet Ostavatsya Glavnoi Figurom. *Nezavisimaya Gazeta*, Jan 22; Iwasaki, I. (2003) Evolution of Government-Business Relationship and Economic Performance in the Former Soviet States. *Economics of Planning* 36 (3); Gel'man, V. (2008) Out of the Frying Pan, Into the Fire? Post-Soviet Regime Changes in Comparative Perspective. *International Political Science Review* 29 (2); Frye, T. (1997) Politics of Institutional Change: Post-Communist Presidencies. *Comparative Political Studies*; Makarenko, B. (2005) Tsvetnye Revolyutsii v Kontekste Demokraticeskogo Tranzita. *Mir Peremen* (5)

⁵⁰ See Quoraboyev, I. (2010) Around the Names of Region: The Case of Central Asia. UNU-CRIS Working Paper No. 5; in the Russian-language literature, the idea of ‘emerging’ Central Asia is investigated in: Kazantsev, A. (2008) *Bol'shaya Igra s Neizvestnymi Peremennymi: Mirovaya Politika i Central'naya Aziya*. Moscow: Eurasian Heritage Foundation. Some work has been done on the role of regional integration in the FSU as a tool of state social identity construction, see Molchanov, M. (2007) Regionalist Promises in State Social Identity Construction: The Rhetoric of a Single Economic Space. Mimeo

⁵¹ See Buzan, B., and O. Waever (2003) *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press

⁵² See Jones Luong, P. (2002) *Institutional Change and Political Continuity in Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press

⁵³ Gleason, A. (2010) Eurasia: What Is It? Is It? *Journal of Eurasian Studies* 1 (1)

attempts to place the FSU in the overall debate on regionalism in various parts of the world. It therefore employs a broad theoretical framework, usually derived from IR and IPE. It is able to distinguish among multiple factors leading to the weakness of the FSU regionalism beyond the simple 'lack of political willpower'. The literature has a mostly positive orientation. Although many papers are implicitly normative, it rarely affects the validity of the positive results. A number of papers look at a broad array of factors determining the evolution of the post-Soviet regionalism.⁵⁴ Other contributions study particular factors including: historical legacies⁵⁵, power asymmetry⁵⁶, economic and political asymmetries⁵⁷, economic ideologies⁵⁸, interaction with the European integration⁵⁹, other external influences⁶⁰, post-Soviet bureaucracy⁶¹, and institutional features of the regional organizations,⁶² or foreign policy orientation of the FSU countries.⁶³

A related group of studies has been prepared by legal scholars, investigating the institutional design of the post-Soviet regional integration.⁶⁴ Most of these papers are relatively old and have been written during the early period of post-Soviet integration. This is when the expectations regarding its progress were higher. There are, however, numerous recent interesting contributions from Rilka Dragneva-Lewers, examining various legal aspects of economic integration in the FSU.⁶⁵ There are almost no contributions to the studies of the post-Soviet institutional integration written by economists. While in the first years after the collapse of the USSR the

⁵⁴ See Kubicek, P. (2009) *The Commonwealth of Independent States: An Example of Failed Regionalism?* *Review of International Studies* 35; Olcott, M. B., Aslund, A., and S. Garnett (1999) *Getting It Wrong: Regional Cooperation and the Commonwealth of Independent States*. Wash.: Carnegie Endowment for International Peace; Obydenkova, A. (2011) *Multi-Level Governance in Post-Soviet Eurasia: Problems and Promises*, in: Enderlein, H., Walti, S., and M. Zurn (eds.) *Handbook on Multi-Level Governance*. Cheltenham: Edward Elgar; Molchanov, M. (2009) *Regionalism in Eurasia*. In: Fagan, G. H., and R. Munck (eds.), *Globalization and security: An Encyclopedia*. Santa Barbara: Praeger Security International.

⁵⁵ See Obydenkova, A. (2011) *Benefits and Deficits of Multilateralism: Conceptualizing the Lessons of the Commonwealth of Independent States*. *Rivista Italiana di Scienza Politica* 41 (1); Kux, S. (1996) *From the USSR to the Commonwealth of Independent States: Confederation or Civilized Divorce?* In *Federalizing Europe? The Costs, Benefits and Preconditions of Federal Political Systems*, eds. J. J. Hesse and V. Wright. Oxford: Oxford University Press; Bremmer, I., and A. Bailes (1998) *Sub-Regionalism in the New Independent States*. *International Affairs* 74

⁵⁶ See Miller, E. A. (2006) *To Balance or Not to Balance? Alignment Theory and the Commonwealth of Independent States*. Aldershot: Ashgate; D'Anieri, P. (1997) *International Cooperation among Unequal Partners: The Emergence of Bilateralism in the Former Soviet Union*. *International Politics* 34 (4); Hancock, K. J. (2009) *Regional Integration: Choosing Plutocracy*. New York: Palgrave MacMillan

⁵⁷ Obydenkova, A. (2011) *Comparative regionalism: Eurasian cooperation and European integration. The case for neofunctionalism?* *Journal of Eurasian Studies* 2

⁵⁸ Darden, K. A. (2009) *Economic Liberalism and Its Rivals: The Formation of International Institutions among the Post-Soviet States*. Cambridge: Cambridge University Press

⁵⁹ See Malfliet, K., Verpoest, L., and E. Vinokurov (eds., 2007) *The CIS, the EU and Russia: Challenges of Integration*. London: Palgrave MacMillan; Molchanov, M., and Y. Yevdokimov (2005) *The European Union versus Russia: Evaluating attractiveness of inter-state cooperation in the post-Soviet space*, Papanikos, T. G. (ed.) *International research on global affairs*. Athens: Athens Institute for Education and Research

⁶⁰ Molchanov, M. (2011) *The Hubless Spokes: Competitive Regionalism in Eurasia*. Mimeo; Molchanov, M. (2009) *Regionalization from Above*. Mimeo

⁶¹ See Libman, A., and A. Vinokurov (2012) *Post-Soviet Integration and the Interaction of Functional Bureaucracies*. *Review of International Political Economy*, forthcoming

⁶² See Gleason, G. (2004) *The Reintegration of Eurasia: Functional Theory and Inter-State Policy Coordination*, in: Khudolev, K. (ed) *Post-Communist Countries in the Globalized World*. St.Petersburg

⁶³ Jackson, N. (2003) *Russian Foreign Policy and the CIS: Theories, Debates, and Actions*. New York and London: Routledge

⁶⁴ See e.g. Voitovich, S. A. (1993) *The Commonwealth of Independent States: An Emerging Institutional Model*. *European Journal of International Law* 4; Balayan, O. M. (1999) *Institutionelle Struktur der Wirtschaftsintegration in der Gemeinschaft Unabhangiger Staaten (GUS) Eine rechtliche Untersuchung der Organisation der GUS im Vergleich zur Europaischen Gemeinschaft*. Berlin: Duncker & Humblott; Danilenko, G. M. (1999) *The Economic Court of the Commonwealth of Independent States*. *International Law and Politics* 31

⁶⁵ See e.g. Dragneva, L. (2007) *CIS Model Legislation and Its Contributions to Company Law Reform and Harmonization*. In: Dragneva, L. (ed.) *Investor Protection in the CIS*. Leiden: Martinus Nijhoff; Dragneva, R., and J. de Koort (2007) *The Legal Regime for Free Trade in the Commonwealth of Independent States*. *International and Comparative Law Quarterly* 56 (2); Dragneva, R. (2004) *Is 'Soft' Beautiful? Another Perspective on Law, Institutions, and Integration in the CIS*. *Review of Central and East European Law* 29 (3)

issue of inter-republican economic relations did attract some scholarly attention,⁶⁶ the low effectiveness of the FSU regionalism resulted in the disappearance of these studies.

3.1.5. Protective integration: The fifth literature, unlike the previous four, seems to be on the rise. The major objective of these studies is to link the existence of informal and formal ties between the FSU countries, including regional integration agreements, to the prospects of democratization in the region. The issue of external influences on democratization has received substantial attention in scholarly literature in the past; however, it has almost always been studied from the point of view of external *democratic* influences. The post-Soviet space seems to be a region where external *non-democratic* influences are also particularly pronounced. From this point of view, post-Soviet regionalism receives an entirely new interpretation. Its main objective is not to foster economic and political cooperation between countries. Instead it creates a 'mutual protection' for the autocratic regimes in the FSU, or at least to 'insulate' some countries from external democratic influences. Specifically, regionalism can be used in domestic political games, as it has been actively used by Russia and Belarus.⁶⁷ Post-Soviet non-democracies can 'exchange' symbolic and even material support. This problem has been investigated in greater detail by Russian⁶⁸ and international scholars; the latter have studied formal regional integration arrangements⁶⁹, informal intergovernmental relations,⁷⁰ and mutual learning across autocratic regimes and societies in the FSU.⁷¹ Some recent work also deals with the impact of regionalization and cross-border economic linkages on the sub-national democratization.⁷² Obviously, this literature belongs principally to the domain of political science, though it is also partly influenced by the international relations studies. At first it was mostly studied by the more narrow area studies research community. Recently the «mutual support of autocracies» topic gained more attention from the mainstream political scientists, in particular the regime transition

⁶⁶ See Orlowski L. T. (1994) The Disintegration of the Ruble Zone: Driving Forces and Proposals for Policy Change. *Aussenwirtschaft* 49; Orlowski L. T. (1995) Direct Transfers between the Former Soviet Union Central Budget and the Republics: Past Evidence and Current Implications. *Economics of Planning* 28; Dabrowski, M. (1995) The Reasons of the Collapse of the Ruble Zone. Unpublished manuscript, CASE

⁶⁷ See Danilovich, Alex (2006) *Russian-Belarus Integration: Playing Games behind the Kremlin Wall*. Aldershot: Ashgate; in the Russian-language literature an excellent survey has been published by: Drakokhrust, Yu., and D. Furman (1998) Perepetii Integracii, in: Furman, D. (ed.) *Belorussiya i Rossiya: Obshchestva i Gosudarstva*. Moscow: Prava Cheloveka

⁶⁸ Furman, D. (2004) Rossiya, SNG i ES. *Mir Peremen* (3); Fel'dman, D. (2005) Vzaimodeistvie Elit Stran SNG. *POLIS* (4); Furman, Dmitriy (2010) *Dvizhenie po Spirali: Politicheskaya Sistema Rossii v Ryadu Drugikh Stran*. Moscow: Ves' Mir.

⁶⁹ Allison, R. (2008) Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia. *Central Asian Survey* 27 (2); Collins, Kathleen (2009) Economic and Security Regionalism among Patrimonial Authoritarian Regimes: The Case of Central Asia. *Europe-Asia Studies* 61 (2); Allison, R. (2007) Blockaden und Anreize: Autoritarismus und regionale Kooperation. *Osteuropa* 58 (8-9); Allison, R. (2010) Virtual Regionalism and Protective Integration in Central Asia, in: Sengupta, A., and S. Chatterjee (2010) *Eurasian Perspectives: In Search for Alternatives*. Kolkata: Shipra Publications; Cameron, D. R., Orenstein, M. (2011) Post-Soviet Authoritarianism: The Impact of International Actors, Linkages and Alliances. APSA 2011 Annual Meeting Paper

⁷⁰ Ambrosio, T. (2009) Authoritarian Backlash: Russian Resistance to Democratization in the Former Soviet Union. Ashgate; Ambrosio, T. (2006) The Political Success of Russia-Belarus Relations: Insulating Minsk from a Color Revolution. *Demokrazatsiya* 14 (3); Silitski, V. (2006) Contagion Deterred: Authoritarianism in the Former Soviet Union (The Case of Belarus). CDDRL Working Paper No. 66; Tolstrup, J. (2009) Studying a Negative External Actor: Russia's Management of Stability and Instability in the 'Near Abroad'. *Democratization* 16; Burnell, P., Schlumberger, O. (2010, eds) *Promoting Democracy — Promoting Autocracy? International Politics and National Political Regimes*. Special Issue of *Contemporary Politics*. Vol. 16. No. 1

⁷¹ See Herd, G. P. (2005) Colorful Revolutions and the CIS: «Manufactured» versus «Managed» Democracy. *Problems of Post-Communism* 52; Silitski, V. (2005) Preempting Democracy: the Case of Belarus. *Journal of Democracy* 16; Hale, H. E. (2005) Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia. *World Politics* 58; Hale, H. E. (2006) Democracy or Autocracy on the March? The Colored Revolutions as Normal Dynamics of Patronal Presidentialism. *Communist and Post-Communist Studies* 39 (3); Silitski, V. (2010) «Survival of the Fittest»: Domestic and International Dimensions of the Authoritarian Reaction in the former Soviet Union following the Colored Revolution. *Communist and Post-Communist Studies* 43 (4); Kubicek, P. (2011) Are Central Asian Leaders Learning from Upheavals in Kyrgyzstan? *Journal of Eurasian Studies* 2

⁷² See Obydenkova, A., and A. Libman (2011) Rethinking the Nature and Impact of External Factors on Regime Transition: Lessons for the Russian Regions. Mimeo

and democratization theorists.⁷³

One can probably distinguish between two varieties of this literature. The first and so far the most popular looks at the role of Russia as an anti-democratic force. It takes the argument of the «average paper» on post-Soviet integration as a tool of Russian *dominance*. It translates it from the language of geopolitical power, «Russia's attempt to control the neighboring states», into the language of regime diffusion, «Russia's attempt to establish a set of autocracies in the neighboring states». This move has a certain advantage: it looks at a much broader set of implications than the 'standard zero-sum game perception of geopolitical conflicts over power' that is shared by the «average paper». The disadvantage is that it is more realistic to assume that Russia aspires to have control and geopolitical power in the FSU, than it is to assume that Russia consciously promotes autocracies in the neighboring states. The autocracies could arise as a by-product of attempts to create loyal regimes, but the emergence of this by-product is not necessary. In fact, if it better suits its geopolitical agenda, Russia could support democracies. It probably partly does support them as happened with Kyrgyzstan in 2010. Overall, unlike in the case of the «average paper», there seems to be no consensus regarding the presence of the Russian anti-democratic influence in the scientific community. While some studies confirm its existence, other papers argue that it is mostly absent. Many important papers call for the need to implement further research on the topic to establish exact pathways of influence, and possible variation of outcomes.

The second branch of the literature considers post-Soviet integration as a coalition of autocrats mutually supporting each other. This is not necessarily because of the Russian pressure; it assumes that autocracies evolve through a combination of mutual learning and internal forces, and then try to sustain each other through cooperation. These studies have several advantages, and are very different from the «average paper». First, they do not concentrate on the *actual* international hierarchies, and power in the international relations, which are questionable in the post-Soviet world. Instead they concentrate on the *symbolic action* and *domestic concerns* of autocracies. Second, they do not consider post-Soviet regionalism a mere 'power tool' of Russian foreign policy. In fact the 'protective integration' analysis clearly shows why Russia is likely to be a more reactive than pro-active participant of post-Soviet regionalism; and why other autocracies, like Belarus, may be so interested in maintaining the ineffective and non-functioning integration rituals. A good example is the short-lived membership of Uzbekistan in the EurAsEC. On the one hand it was consistent with the ideas of «mutual support» of the members of the Autocratic International; on the other hand it had nothing to do with Russia's pressure or influence. Finally, this literature *does* explain why autocracy could «breed» autocracy in the FSU: due to attempts by regimes to prevent the cross-border learning effects originating from the new democratic states. However, this second branch of the literature seems to be even smaller than the first one.⁷⁴

The studies of 'protective integration' are very important from yet another point of view. The

⁷³ As mentioned the last years have witnessed the growing attention to the anti-democratic external factors, i.e. promotion of non-democracies by the non-democratic regimes (the so-called *Authoritarian International*), e.g. in Ambrosio, Th. (2010) Constructing a Framework of Authoritarian Diffusion: Concepts, Dynamics, and Future Research. *International Studies Perspectives* 11 (4). The post-Soviet regionalism (along with the Gulf Cooperation Council during the Arab Spring and the Shanghai Cooperation Organization) seems to be one of the most obvious examples fitting this concept. Specifically, the 2011 American Political Science Association conference featured two panels dealing specifically with this topic. The first («External Actors and Political Change») included a paper of Valerie Bunce with co-authors, exploring the dimensions of cooperation of autocracies facing the external pressure of democratization. The second («The Impact of Counter-Hegemonic Powers on Democratization after the Cold War») included three papers on the post-Soviet case (by Lucan Way, David Cameron and Mitchell Orenstein and Timothy Colton), which mostly dealt with the anti-democratic *Russian* influences in the FSU, which was concluded to be not really strong (although sometimes present) and non-trivial (in fact, there have been cases reported when Russia's influence indirectly supported democratization in the FSU).

⁷⁴ This type of studies is to my knowledge more popular in the analysis of Central Asian regionalism, where the temptation to «blame» Russia (and to concentrate on Russia as the empirically most accessible case) is much smaller.

3. International studies of post-Soviet integration

previously summarized literature on the institutions of post-Soviet integration pays a lot of attention to the reasons of failure of the FSU regionalism. It is less helpful in understanding why the FSU governments continue engaging in new rounds of 'integration rituals'; even taking their limited effectiveness in the past into account. The 'protective integration' logic could be a possible explanation.⁷⁵

3.1.6. Regionalization and soft power: The sixth literature concentrates its attention on post-Soviet regionalization. There are, basically, two varieties of these studies. The first pays primary attention to the 'political logic' underlying the foreign direct investments and trade in the FSU. It considers ultimately the expansion of trade linkages as an example of 'soft power' used by Russia instead of traditional military or political pressure tools.⁷⁶ A substantial problem associated with these studies is the key assumption about the dominance of *politics* in the international expansion of Russian business. This assumption is empirically highly questionable; although it is certainly present in some setups, it does not seem to dominate the entire Russian outward FDI decision-making⁷⁷. They are particularly interesting in specific contexts, such as the Russian oil and gas trade with the FSU.⁷⁸

Therefore the second group of studies concentrates on understanding the actual logic of economic linkages emerging between the FSU countries. This is similar to their Russian counterparts. In most cases these studies belong to international business and management literature.⁷⁹ As such, they do not attempt to provide an explanation of the regionalization patterns in the *post-Soviet space*. Instead they focus on emergence and development of Russian multinationals, also acknowledging a strong regional focus of many companies. There are currently a number of individual detailed papers exploring the Russian investments in the FSU and the overall FDI of Russian multinationals in terms of their regional focus.⁸⁰ The Pan-European Institute (PEI) in Turku also regularly publishes reports on *Expansion or Exodus* of Russian companies.⁸¹ Most papers in this area are purely descriptive, concentrating on individual case studies, which is simi-

⁷⁵ See Libman, A. (2007) *Regionalization and Regionalism in the Post-Soviet Space: Current Status and Implications for Institutional Development*. *Europe-Asia Studies* 59 (3)

⁷⁶ See Nygren, B. (2008) The Rebuilding of Greater Russia: Putin's Foreign Policy Towards the CIS Countries. Abingdon: Routledge; Nygren, B. (2008) Russia's Use of Natural Gas to Reintegrate the CIS Region. *Problems of Post-Communism* 55; Tsygankov, A. (2006) If Not By Tanks, Then By Banks? The Role of Soft Power in Putin's Foreign Policy. *Europe-Asia Studies* 58

⁷⁷ See Hanson, P. (2010) Russia's Inward and Outward Foreign Direct Investment: Insights into the Economy. *Eurasian Geography and Economics* 51 (5); Kalotay, K. (2002) Outward Foreign Direct Investments and Government in Central and Eastern Europe. *Journal of World Investment* 3 (2)

⁷⁸ See e.g. Orttung, R. W., and I. Overland (2011) A Limited Toolbox: Explaining the Constraints on Russia's Foreign Energy Policy. *Journal of Eurasian Studies* 2 (1)

⁷⁹ Although some contributions look at the migration in the FSU as well. See Korobkov, A. V. (2007) Migration Trends in Central Eurasia: Politics versus Economics. *Communist and Post-Communist Studies* 40

⁸⁰ See Crane, K. W., Peterson, D. J., and O. Olikar (2005) Russian Investments in the Commonwealth of Independent States. *Eurasian Geography and Economics* 46; Filippov, S. (2010) Russian Companies: The Rise of New Multinationals. *International Journal of Emerging Markets* 5 (3/4); Sethi, D. (2009) Are Multinational Enterprises from Emerging Markets Global, Local or Regional? *European Management Journal* 27; Filatochev, I., Buck, T., and M. Write (1993) Soviet All-Union Enterprises as New Multinationals in the CIS. *International Executive* 35 (6); Kalotay, K. (2010) The Future of Russian Outward Foreign Direct Investment and the Eclectic Paradigm: What Changes after the Crisis of 2008–2009 *Competitio* 9 (1), as well as multiple other papers by Kalmar Kalotay and co-authors. One has also to mention the paper of Yudanov (Yudanov, A. (2000) Economic Change and the National Question in Twentieth-Century USSR/Russia: The Enterprise Level, in: Teichova, A., Matis, H., and J. Patek (eds) *Economic Change and the National Question in Twentieth-Century Europe*. Cambridge), who suggests the existence of a «community of enterprises» surviving after the collapse of the USSR. In this case, once again, the attribution of the author to either Russian or international community becomes difficult — the author works in Russia, but this particular paper has been circulating primarily in English.

⁸¹ See e.g. Vahtra, P. (2005) Russian Investments in the CIS — Scope, Motivation and Leverage. Pan-European Institute, Turku School of Economics, Electronic Publication No. 9; Vahtra, P. (2007) *Expansion or Exodus? — The New Leaders among the Russian TNCs*. Pan-European Institute, Turku School of Economics, Electronic Publication No. 13, as well as many other interesting papers published mostly as electronic publications of the PEI.

lar to their Russian counterparts. Some work, however, has used solid econometric techniques.⁸² There are therefore clear parallels between the development of this literature in international, and in Russian academic community.

Interestingly enough, this is also one of the areas where Russian academia explicitly reacts to research done in the international scholarly community. In most other cases the work published in international journals seems to have almost no influence on the debates in Russia. Some Russian scholars are extremely critical vis-a-vis international studies. This is because the latter seem to ignore the Russian-language literature; and they partly disregard the issues of data quality.⁸³ As for the first problem, it seems to be unavoidable if the same topic is investigated by two separate scientific communities. Similar problems have been present in the relations between German-speaking and English-speaking economists in the past. The only viable solution to this problem is for the members of the smaller academic community, the Russian researchers, to attempt to publish their work internationally. They should pursue an active strategy of integration into the global community. This solution has been used, for example, in the transformation of the German economic profession⁸⁴. Clearly, this integration can face serious difficulties;⁸⁵ however, it is at least in the long run a clearly feasible alternative. The second problem of data quality, in some sense, represents a trade-off: while the papers written by Russian scholars are partly better informed in terms of data, they are usually weaker in terms of theory, and almost always **substantially** weaker in terms of methodology. This is also one of the main barriers for their reception abroad: the international scholarly community sets extremely high requirements in terms of the quality of empirical methodology, which many Russian scholars fail to pass.⁸⁶

3.2. Integration in Central Asia

Central Asia became a subject of an independent scholarly literature; which is unlike other sub-regions of the post-Soviet space, such as the Russia-Ukraine-Belarus triangle. The literature interacts with the studies of the post-Soviet space in general, and it also has its own objectives and points of interest, as well as journals and conferences. The attention of the international scholarly community to Central Asian integration is, in some sense surprisingly, much larger than to the topic of post-Soviet regionalism. In fact, while Russian studies seem to decline in almost all social sciences, the Central Asian studies remain important. This reflects on the one hand, the persistent strategic importance of the region in the modern world, and on the other hand, the difficulties associated with understanding the dynamics of Central Asian countries without detailed regional knowledge. In their analysis some researchers restrict their attention to what one could call the 'post-Soviet Central Asia': Kazakhstan, Kyrgyz Republic, Uzbekistan, Tajikistan and Turkmenistan. Other researchers attempt to include other countries outside the former Soviet Union: China, Afghanistan, Pakistan, India or Mongolia. Another interesting feature is a very different normative focus of the studies of integration in Central Asia. For post-Soviet integration, the dominant point of view in the scholarly community seems to be rather sceptical. Some observers acknowledge that regional integration in the FSU could contribute to the positive economic dynamics. Other observers are expecting negative effects. For Central Asia, however, the consensus seems to be mainly positive.

⁸² Kalotay, K., and A. Sulstarova (2010) Modeling Russian Outward FDI. *Journal of International Management* 16

⁸³ See Kuznetsov, A. (ed., 2010) *Vliyaniye Rossiyskoy Investitsionnoy Ekspansii na Obraz Rossii v Evrope*. Moscow: IMEMO

⁸⁴ See Libman, A. (2011) *Nemetskaya Ekonomicheskaya Nauka: Mekhanizmy Transformatsii*. *Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Asotiskacii* (8)

⁸⁵ See, for the Russian case, discussion in: Savelyeva, I. M., and A. V. Poletayev (2009) *Publikacii Rossiyskikh Avtorov v Zarubezhnykh Zhurnalakh po Obshchestvennym i Gumanitarnym Distiplinam v 1993–2008 gg.* HSE Working Paper No. WP6/2009/02

⁸⁶ However, one should point out that there are examples of papers of Russian scholars on the topic investigated published in international journals, see e.g. Kuznetsov, A. (2010) Urgent Tasks for Research on Russian TNCs. *Transnational Corporations* 19 (3)

Most papers consider regional integration as a possible source of growth.⁸⁷ Martin Spechler even refers to the absence of cooperation in Central Asia as 'pathology'.⁸⁸

There are probably several reasons for this difference between the studies of post-Soviet and of Central Asian integration. First, Central Asia consists of a group of landlocked countries, which have empirically been shown to encounter huge difficulties in getting access to international markets.⁸⁹ Regional cooperation seems therefore to be a reasonable solution contributing to economic growth. Second, in Central Asia there is no superior alternative to regional cooperation. In other parts of the FSU situation is different. European integration seems to be more attractive to Eastern Europe than participation in the FSU regionalism. These are very often interpreted as mutually exclusive options by both Russian and international scholars. Third, the impact of the 'average post-Soviet integration paper' of the 'Western style' on the studies of regionalism in Central Asia is much smaller. It is less likely therefore to be interpreted in terms of power dominance; if Kazakhstan and Kyrgyzstan integrate, it is clearly not about 'Russian imperialism'. On the contrary, Central Asia is observed through the lens of the standard development studies literature. This considers regional integration as an important tool of facilitating economic development. In fact papers on Central Asia, unlike FSU in general, can be found in mainstream development studies journals.⁹⁰

The weakness of regional integration in Central Asia resulted in a significant number of papers. They very often reproduce arguments similar or even identical to those regarding the FSU regionalism. Some arguments are more region-specific, like the Central Asian water and power nexus. It makes regional cooperation more important, but also increases the difficulties for the regional cooperation.⁹¹ In terms of the current development, Central Asian regionalism is very often interpreted as a case of 'protective integration' similar to that of the post-Soviet space.⁹²

The flexible borders of Central Asia increase the attention to yet another question: the 'optimal' integration space based on both heterogeneity of preferences, and the extent of actual interdependencies. This has already been discussed in the context of the post-Soviet integration. A substantial body of research looks specifically on Central Asia, and cooperation between five Central Asian countries. However, several papers point out that Central Asian integration is hardly viable without the participation of other post-Soviet countries.⁹³ A further large group of books and pa-

⁸⁷ See Green, D. J. (2001) Regional Co-operation Policies in Central Asia. *Journal of International Development* 13; Bartlett, D. L. (2001) Economic Development in the Newly Independent States: The Case for Regionalism. *European Journal of Development Research* 13; Geyikdagı, N. V. (2005) Regional Integration in Central Asia, *Journal of Asia Pacific Business* 6; Gleason, G. (2001) Inter-State Cooperation in Central Asia: from the CIS to the Shanghai Forum, *Europe-Asia Studies* 53; UNDP (2005) *Central Asia Human Development Report: Bringing Down Barriers*. Bratislava, UNDP; Badykova, N. (2006) Regional Cooperation in Central Asia: A View from Turkmenistan. *Problems of Economic Transition* 48 (8); Olimova, S., Kurbonov, S., Petrov, G., and Z. Kahhorova (2006) Regional Cooperation in Central Asia: A View from Tajikistan. *Problems of Economic Transition* 48 (9)

⁸⁸ See Spechler, M. C. (2001) *Regional Non-Cooperation in Central Asia: A Pathology*, in Sutcliffe, P. (Ed) NATO Economic Colloquium. Brussels: NATO

⁸⁹ See: World Bank (2009) *World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography*. Wash.: World Bank; Raballand, G., Kunth, A., and Richard A. (2005) Central Asia's Transport Burden and Its Impact on Trade. *Economic Systems* 29

⁹⁰ This is also probably one of the reasons why Central Asia receives relatively more attention than the FSU: Russia does not fit the development studies profile, and papers on Russia cannot be published by development studies and development economics journals.

⁹¹ Akiner, S. (2007) *Regional cooperation in Central Asia*. School of Oriental and African Studies, University of London; Pomfret, R. (2002) National Borders and Disintegration of Market Area in Central Asia after 1991, in Mueller, U. and H. Schultz (eds.) *National Borders and Economic Disintegration in Modern East Central Europe*. Berlin: Anno Spitz; Pomfret, R. (2009) Regional Integration in Central Asia. *Economic Change and Restructuring* 42; Spechler, M. C. (2002) Regional Cooperation in Central Asia. *Problems of Post-Communism* 49; Kulipanova, E. (2010) Functional Cooperation in Central Asia: The Case of Asymmetrical Interdependence? Mimeo; Melvin N. L. (2008) *Engaging Central Asia*. Brussels, CEPS; Olcott, M. B. (1996) *Central Asia's New States: Independence, Foreign policy, and Regional Security*. Wash.: US Institute of Peace Press; Rall, T. (2006) *Silk Road to Ruin: Is Central Asia the New Middle East?* New York: NBM Publishing; Spechler, M. C. (2000) Regional Cooperation in Central Asia: Promises and More Promises. *PRAXIS — The Fletcher Journal of Development Studies* 16

⁹² The relevant papers have been cited above

⁹³ See Qoraboyev, I. (2010) From Central Asian Regional Integration to Eurasian Integration Space? Changing Dynamics of the Post-Soviet Regionalism. *EDB Eurasian Integration Yearbook 2010*. Almaty: EDB; Libman, A., and E. Vinokurov (2012) Is It Really Different? Patterns of Regionalization in the Post-Soviet Central Asia. *Post-Communist Economies*, 23 (4)

pers investigate the role of 'extra-regional' players, like China and Russia, in the political and economic cooperation in Central Asia. They also look at their relative power balance.⁹⁴ The literature often looks at both hard and soft power tools available for, and used by individual extra-regional powers to strengthen their role in Central Asia. Soft power tools are analyzed from the point of view of energy trade, stability of trade ties, and foreign investments. A substantial portion of the debates looks at the relative decline of Russia's power in the 1990s, and Russian attempts to restore its influence in the 2000s. They also look at the growing role of China as an economic and political player in the region.

Finally, an extremely interesting part of literature deals with regionalization in Central Asia. Central Asia is in this respect very different from the rest of the FSU; particularly because of the very strong role of informal trade networks. Several contributions study the changes of trade patterns in Central Asia looking at official statistics.⁹⁵ Another important paper analyzes market integration in Central Asia, using the impact of borders on the retail price dispersion.⁹⁶ Finally, there are a substantial number of studies explicitly looking at informal trade in Central Asia. In this case, the analysis is mostly based on more or less elaborated variations of the mirror trade gaps. However, researchers also pay special attention to the particular channels of trade, and to the role of extra-regional partners. At present Chinese consumer goods imports entering Central Asia through Kyrgyzstan and Tajikistan, and re-sold to other countries, seem to play a particular role in the integration of the region.⁹⁷ Central Asia is also a region of investigation in a small number of papers, attempting to 'cross the border' from post-Soviet to Eurasian integration. They investigate both formal regionalism and informal regionalization.⁹⁸

⁹⁴ See, for instance, Spechler M. C., and D. R. Spechler (2010) Is Russia Succeeding in Central Asia. *Orbis* 54; Allison, R. (2004) Regionalism, Regional Structures and Security Management in Central Asia. *International Affairs* 80; Blank, S. (1995) Energy, economics and security in Central Asia: Russia and its rivals. *Central Asian Survey* 14; Bohr, A. (2004) Regionalism in Central Asia: New Geopolitics, Old Regional Order, *International Affairs* 80; Allison, R., and L. Johnson (eds., 2001): *Central Asian Security: The New International Context*. Royal Institute of International Affairs, London; Kavalski, E. (ed., 2010) *The New Central Asia: The Regional Impacts of International Actors*. New Scientific Publishing, Singapore; Li, H. Y. and Z. Wang (2009) Assessing China's Influence in Central Asia: A Dominant Regional Power? University of Nottingham China Policy Institute Briefing No. 53; Niklasson, C. (2008) Russian Leverage in Central Asia, Report No. FOI-R-2484-SE, FOI; Peyrouse, S. (2007) The Economic Aspects of the Chinese-Central-Asia Rapprochement, Silk Road Papers, Central Asia and Caucasus Institute, Washington; Tang, S. (2000) Economic Integration in Central Asia: The Russian and Chinese Relationship. *Asian Survey* 40; Wu, H.-L., and C.-H. Chen (2004) The Prospects for Regional Economic Integration Between China and the Five Central Asian Countries, *Europe-Asia Studies* 56; Rumer, E., Trenin, D., and H. Zhao (2007) *Central Asia: Views from Washington, Moscow, and Beijing*. Armonk, M. E. Sharpe, among many other contributions

⁹⁵ Luecke, M., and J. Rothert (2006) Central Asia's Comparative Advantages in International Trade, Kiel Economic Policy Paper No. 6; Myant, M., and J. Drahokoupil (2008) International Integration and the Structure of Exports in Central Asian Republics, *Eurasian Geography and Economics* 49; Pomfret, R. (2005) Trade Policies in Central Asia after EU Enlargement and before Russian WTO Accession, *Economic Systems* 39; Kurmanalieva, E. (2008) Empirical Analysis of Kyrgyz Trade Pattern. *Eurasian Journal of Business and Economics* 1 (1); Kurmanalieva, E., and Z. Papava (2008) Geography and Trade in Central Asia. EERC Research Grant Paper RO6-085; Carrere, C., and C. Grigoriou (2008) Landlockedness, Infrastructure and Trade: New Estimates for Central Asian Countries. CERDI Working paper No. 2008.01; Felipe, J., and U. Kumar (2009) The Role of Trade Facilitation in Central Asia: A Gravity Model. Mimeo; Grigoriou (2007) Landlockedness, Infrastructure and Trade: New Estimates for Central Asian Countries. World Bank Working Paper WPS 4335

⁹⁶ Grafe, C., Raiser, M. and T. Sakatsume (2008) Beyond Borders — Reconsidering Regional Trade in Central Asia, *Journal of Comparative Economics* 36

⁹⁷ Kaminski, B. and S. Mitra (2010) *Skins of Silk: Borderless Bazaars and Border Trade in Central Asia*. World Bank, Washington; Kaminski, B. and G. Raballand (2009) Entrepot for Chinese Consumer Goods in Central Asia: The Puzzle of Re-Export through Kyrgyz Bazaars, *Eurasian Geography and Economics* 50; Raballand, G., and A. Andresy (2007) Why Should Trade Between Central Asia and China Continue to Expand?, *Asia Europe Journal* 5

⁹⁸ See Linn, J. F., and D. Tiomkin (2006) The New Impetus Towards Economic Integration between Europe and Asia. *Asia Europe Journal* 4 (1). Johannes Linn has promoted the idea of 'Eurasian integration' in a number of further papers. One has also to point out numerous contributions by Markus Kaiser dealing with informal trade and networks in Eurasia; one can hope that many of these results will be summarized in his forthcoming book: Kaiser, M. (2012) *Eurasia in the Making — Revival of the Silk Road. A Study on Cross-border Trade and Markets in Contemporary Uzbekistan*. Transcript Verlag. The systematic analysis of the Eurasian and post-Soviet integration should be the topic of two forthcoming books, written by the author of this survey jointly with Evgeny Vinokurov and currently under contract with Palgrave MacMillan: *Holding-Together Regionalism: Twenty Years of Post-Soviet Integration and Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism*.

4. Conclusion

The aim of this paper was to summarize the main directions of research on post-Soviet and Central Asian regional integration in both the Russian and international scholarly community. There is, in fact, a significant difference between these two research groups. Communication between the Russian and international scholars working on post-Soviet regionalism seems to be very limited: Russian papers are rarely cited in international journals, and vice versa. In Russia one still observes the dominance of the highly simplistic, inherently normative, and often ideologically loaded 'average post-Soviet integration paper'. It describes the shining prospects of a top-down integration project on Eurasia, and complains about the lack of political willpower to implement it. There is, however, growing research that is departing from the unrealistic assumptions of the latter. It is concentrating on the empirical investigation of economic linkages between the post-Soviet countries, specifically in the area of FDI, migration, and sub-regional cooperation. There are also a growing number of normative papers, moving away from the 'Eurasian EU' idea of the 'average post-Soviet integration paper'. They are attempting to provide a more elaborate framework for international cooperation in Eurasia. Anyway, the studies on post-Soviet integration still attract substantial attention from Russian scholars, mostly economists and political scientists, also historians.

The attention of the international community to post-Soviet regionalism and regionalization has been much smaller. There is also an analogous 'average post-Soviet integration paper' describing, in the traditions of the Cold War thinking, the malevolent power ambitions of Russia. Post-Soviet integration is used by Russia to restore its influence in the near abroad. However, this seems to have a significantly smaller impact on the body of research. There are, specifically, six distinct types of literature. They produce interesting results: econometric studies of post-Soviet trade (mostly in economics); quantitative analyses of the possible impact of the FSU regionalism (once again, published by economists); quantitative and qualitative assessments on the homogeneity and interdependence of post-Soviet countries as a key prerequisite for integration (implemented by area studies specialists and IR scholars); analyses of formal institutions of post-Soviet integration and reasons for its weakness and prospects (published by political scientists, IR scholars and legal scholars); studies of the negative impact of post-Soviet regionalism on democratization in the member countries (mostly produced by the political scientists and area studies); and studies of emerging cross-border linkages between the FSU countries (in the management and international business research and area studies), and the role of these linkages in the 'soft power' strategies of the FSU countries (in political science, area studies and IR). Overall, the normative assessment of FSU regionalism seems to be ambiguous.

Over time, there is a certain increase of attention to the last two types of literature. Interest in the first four types of literatures seems to be declining. Interest in the non-democratic impact of FSU regionalism is, probably, driven by the internal logic of comparative democratization studies, where the issue of non-democratic external forces becomes more and more important. Interest in the soft power and business expansion of Russian multinationals is probably driven by the changes in the region itself. It is attracting the attention of both Russian and international researchers. There are, however, further important changes in the region, which could possibly affect the scholarly community. One of the most pronounced is the establishment of the Customs Union in 2010. The previous generations of post-Soviet regionalism have mostly represented a case of 'ink on paper' integration. CU is a functioning integration group, and it therefore makes sense to investigate its possible economic effects on the member countries, and the conflict potential between the CU participants. An

interesting question for research is why CU succeeded, while its predecessors failed?⁹⁹ These issues could possibly attract greater scholarly attention in the future.

An interesting feature of the post-Soviet integration studies is that most of them ignore another, clearly relevant group of papers: the detailed research on the collapse of the Soviet Union. It has received significant attention in both the international¹⁰⁰ and Russian-language scholarly community. From the point of view of both varieties of the 'average paper', the problem is trivial. For the 'Russian' variety, the collapse of the FSU was merely a historical mistake, which ought to be corrected by regional integration. It does not necessarily apply to the entire collapse, but certainly to disintegration among the key countries. For the 'Western' variety regionalism is exactly an attempt of Russia to restore control over its lost empire. But from positive point of view, the problem is far less clear. Many arguments explaining, for instance, why regionalism in the FSU could be beneficial, ignore the fact that the same preconditions have already existed in the USSR, but did not prevent this country from failing.¹⁰¹ There are a large number of studies explaining why the Russian Federation did not fail, although the USSR did fail. Almost no comparative research between the USSR and the center-region bargaining in the Russian Federation has been carried out.¹⁰² In my opinion, the establishment of direct linkages between these three types of literature (collapse of the USSR, Russian federalism, and post-Soviet regionalism) is part of the important objectives of further research. The situation with international studies of Central Asia is entirely different. The region attracts a lot of attention, and the assessment of the prospects of regional integration and cooperation is almost unambiguously positive. The literature points out the difficulties for regional integration, which very often coincide with those for the FSU. It discusses possible questionable effects of regionalism on democratization. There is also an extremely interesting research on the informal cross-border linkages in Central Asia, which indeed play a significant role in this region.

⁹⁹ One possible explanation could be the greater propensity of FSU countries to cooperate during the periods of crisis, see Vinokurov, E. (2010) *The Evolution of Kazakhstan's Position in Relations with Russia in 1991–2010*. MPRA Working Paper No. 22187

¹⁰⁰ For a review see: Laitin, D. (2000); *Post-Soviet Politics. Annual Review of Political Science* 3

¹⁰¹ A certain exception is the already cited work by Dmitriy Furman, who places the evolution of the USSR and of the CIS in the same framework.

¹⁰² See, however, Sakwa, R. (2011) *The Clash of Regionalisms and Caucasian Conflict. Europe-Asia Studies* 63 (3); Libman, A. (2011) *Russian Federalism and Post-Soviet Integration: Divergence of Development Paths. Europe-Asia Studies*, 63 (8); Libman, A. (2009) *Federalism, Integration, and Multilevel Governance in Eurasia: Intergovernmental Relations Across and Within the National Borders in the Post-Soviet Space*. Saarbrücken: VDM Verlag

Об авторе

Александр Либман — младший профессор международной политической экономии Франкфуртской школы финансов и менеджмента и старший научный сотрудник Института экономики РАН. Доктор экономических наук (2010, ИЭ РАН), PhD in Economics (2009, Маннгеймский университет). Ассоциированный научный сотрудник Восточно-Китайского педагогического университета, приглашенный профессор Московской школы экономики МГУ. Исследовательские интересы: политическая экономика региональной интеграции и федерализма, политическая экономика недемократических систем, эмпирическая экономика общественного сектора. Публикации в журналах *Journal of Common Market Studies*, *Journal of Comparative Economics*, *Review of International Political Economy*, *Empirical Economics*, *Europe-Asia Studies*, *Post-Communist Economies*, а также в других изданиях

About Author

Alexander Libman is assistant professor of international political economy at the Frankfurt School of Finance & Management and senior research fellow at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. He holds PhD degrees in economics from the University of Mannheim (2009) and the Russian Academy of Sciences (2005) and the post-doctoral habilitation from the Russian Academy of Sciences (2010). He is also affiliated with the East China Normal University as a research fellow and the Moscow School of Economics as a visiting professor. The research interests of Alexander Libman include political economics of regional integration and federalism, political economics of non-democracies and empirical public economics. His papers have been published in the *Journal of Common Market Studies*, *Journal of Comparative Economics*, *Review of International Political Economy*, *Empirical Economics*, *Europe-Asia Studies*, *Post-Communist Economies* and other journals.

Центр интеграционных исследований

Углубление процессов региональной экономической интеграции на евразийском пространстве, начало которому положили создание Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) Беларуси, Казахстана и России, нуждается в адекватном аналитическом сопровождении. С этой целью в 2011 году был создан Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЦИИ ЕАБР).

На Центр возложена организация исследовательской работы, подготовки докладов и рекомендаций правительствам государств-участников ЕАБР по проблематике региональной экономической интеграции.

К приоритетам исследований ЦИИ относятся:

- торгово-экономическая и корпоративная интеграция, в том числе оценка экономических эффектов ТС и ЕЭП, вопросы гармонизации законодательства, деятельности корпоративных субъектов на постсоветском пространстве, формирование «евразийских ТНК»;
- мероприятия, этапы и сроки формирования Евразийского экономического союза;
- валютно-финансовая интеграция, включая интеграцию фондовых рынков и банковскую экспансию, а также проблематику введения единой и расчетной валют в регионе;
- теоретическое осмысление евразийской интеграции на основе разработанных мировым научным сообществом теорий региональной интеграции; продвижение идей евразийской интеграции — издание линейки аналитических публикаций (журналы, альманахи, обзоры, отчеты и доклады), проведение конференций и круглых столов.

Контакты ЦИИ ЕАБР:

191 014, Россия, Санкт-Петербург, ул. Парадная, д. 7

Тел. +7 (812) 320 44 41 (доб. 2413)

E-mail: centre@eabr.org

Доклады ЦИИ ЕАБР в 2012 году

Доклад № 1

Комплексная оценка макроэкономического эффекта различных форм глубокого экономического сотрудничества Украины со странами Таможенного союза и Единого экономического пространства в рамках ЕврАзЭС

Авторы доклада указывают, что развитие наиболее крупных экономик постсоветского пространства (России, Украины, Белоруссии, Казахстана) связано со структурными изменениями, а потенциал значительного экономического роста, основанного на сырьевом экспорте и морально устаревшей обрабатывающей промышленности, близок к исчерпанию. В представленном исследовании, впервые за последние 20 лет, сформирован межотраслевой прогнозно-аналитический комплекс моделей для четырех ведущих стран региона. Достоинством работы является проведение межотраслевого анализа в единой методологии. Такой подход не только позволил смоделировать совместную экономическую динамику и структурные изменения, но и получить обоснованные оценки возможных сценариев интеграции на постсоветском пространстве.

На русском и английском языках.

Доклад № 3

Оценка экономического эффекта и институционально-правовых последствий соглашений Единого экономического пространства в области трудовой миграции

В докладе представлен анализ двух соглашений, вступивших в силу 1 января 2012 г. в рамках ЕЭП России, Беларуси и Казахстана: «Соглашения о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей» и «Соглашения о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств». Данные документы оценивались с точки зрения юридических новаций, влияния на существующую договорно-правовую базу и институциональные рамки в области трудовой миграции и содействия эффективной защите прав и социальных гарантий трудящихся-мигрантов. В докладе содержится анализ экономического эффекта принятых соглашений, их влияния на интенсивность трудовых миграционных процессов, на рынок и производительность труда, на развитие хозяйственной деятельности в регионе и укрепление региональных экономических связей. Значительное внимание в работе уделяется оценке последствий принятия соглашений для миграционных потоков из Центральной Азии.

EDB Centre for Integration Studies

The regional economic integration processes, boosted by the establishment of the Customs Union (CU) and the Common Economic Space (CES) of Belarus, Kazakhstan and Russia, are in need of robust analytical support. The EDB Centre for Integration Studies was founded in 2011 with this very purpose in mind. The Centre has been assigned with organising research, preparing reports, and formulating recommendations for the governments of the EDB member states on the subject of regional economic integration.

Priority research areas include:

- economic integration, including assessment of the economic effects of the CU and CES as well as issues related to the harmonisation of applicable legislation and corporate integration;
- measures aiming at the establishment of the Eurasian Economic Union;
- monetary and financial integration, including stockmarket integration and banking expansion as well as common and settlement currencies;
- conceptualisation of Eurasian integration based on theories of regional integration; promotion of the idea of Eurasian integration, publishing a series of analytical publications (a series of EDB Reports and policy papers, 'Journal of Eurasian Economic Integration', 'EDB Eurasian Integration Yearbook', etc.), hosting and organising conferences and roundtables.

EDB Centre for Integration Studies:

7 Paradnaya street, St. Petersburg, 191014, Russia

Tel.: +7 (812) 320 44 41

E-mail: centre@eabr.org

EDB Centre for Integration Studies Reports in 2012

Report # 1

Comprehensive assessment of the macroeconomic effect of various forms of deep economic integration of Ukraine and the member states of the Customs Union and the Common Economic Space

The authors of the report indicate that ongoing development of the largest economies within the post-Soviet area (Russia, Ukraine, Belarus, and Kazakhstan) is associated with structural change, whereas the potential for significant economic growth based on raw exports and outdated manufacturing industries is nearing exhaustion. For the first time in the last 20 years, the study formulates an inter-industry set of analytical-forecasting models for the region's four leading countries. The notable merit of the work lies in the fact that it applies a single methodology to its inter-industry analysis. Taking such an approach has allowed the authors to model common economic dynamics and structural changes, as well as to obtain sound assessments of possible integration scenarios throughout the post-Soviet area.

Available in Russian and English.

Report # 3

Assessment of the economic, institutional and legal impact of labour migration agreements within the framework of the Common Economic Space

The report presents an analysis of two agreements that enter into force on January 1, 2012 within the framework of the CES shared by Russia, Belarus and Kazakhstan: "Agreements on the Legal Status of Migrant Workers and Their Family Members" and the "Agreements on Cooperation to Counteract Illegal Labour Migration from Third Countries." These documents are evaluated from the standpoint of legal novations, impact on the existing contractual and legal framework surrounding the issue of labour migration, and the furtherance of effective protection for the rights and social guarantees of migrant workers. The report contains an analysis of the economic effect of the adopted agreements and their impact on the intensity of labour-migration processes, on the labour market and labour productivity, on economic development in the region, and on the strengthening of regional economic ties. The report focuses particular attention on an assessment of the effects of agreement adoption on migratory flows from Central Asia.

ISBN 978-5-990-3368-1-0

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2012
SAINT PETERSBURG